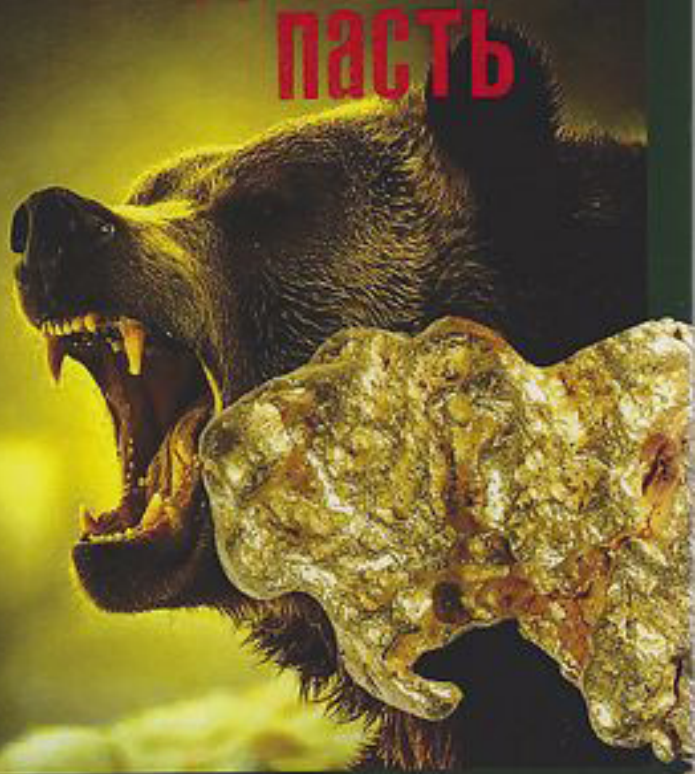

Алексей Ходорковский

Адвокатские истории

Медвежья пасть

Алексей Львович Ходорковский

Медвежья пасть.

Адвокатские истории

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804591

Медвежья пасть. Адвокатские истории: Дашков и К^о; Москва; 2020

ISBN 978-5-394-04131-0

Аннотация

Как поведет себя человек в нестандартной ситуации? Простой вопрос, но ответа на него нет. Мысли и действия людей непредсказуемы, просчитать их до совершения преступления невозможно.

Если не получается предотвратить, то необходимо вникнуть в уже совершенное преступление и по возможности помочь человеку в экстремальной ситуации.

За сорок пять лет юридической практики у автора в памяти накопилось много историй, которыми он решил поделиться.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Повести	7
Медвежья пасть	7
Домашняя симфония	73
Глава 1. Слава	73
Глава 2. Марина	87
Глава 3. Рита	93
Глава 4. Слова	97
Смутное время	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Алексей Ходорковский

Медвежья пасть.

Адвокатские истории

© Ходорковский А. Л., 2020

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2020

* * *

*Выяснить правду – лишь полдела, главное, как ей
потом распорядиться.*

Предисловие

Люди, которых я встречал, – разные. Судьбы и жизненные ситуации, в которых они оказывались, – разные. Правда, основа основ, – и та не всегда одна. Как поведет себя человек в нестандартной ситуации? Простой вопрос, но ответа на него нет. Многие психологи и криминалисты бьются над ним, выстраивают теории, пишут статьи и книги, снимают фильмы.

Как прожить жизнь, не нарушая правил общежития? Как остановить человека у черты? Гениальный Зигмунд Фрейд уверен, что в основе любого шага лежит сексуальное влечение или воздержание от него. Великий судебный психиатр и криминолог Чезаре Ломброзо считает, что все заложено в человеке от рождения. Антропометрические данные человека ведут его к добру или злу. Психиатр с мировым именем Владимир Бехтерев доказывает, что всем руководит страх – самое сильное чувство, – которое может координировать поведение человека.

Все правы по-своему. Но преступления совершаются, конфликтов становится больше и больше. Ни одна из теорий не дает ответа на искомый вопрос. Человек живет своей жизнью и совершает те поступки, которые диктует ему ситуация. Мысли и действия людей непредсказуемы, просчитать их до совершения преступления невозможно.

Если не получается предотвратить, то необходимо вник-

нуть в уже совершенное преступление и по возможности помочь человеку в экстремальной ситуации. Это и есть моя работа. За годы юридической практики в памяти накопилось много историй, которые я решил рассказать читателям.

Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

Повести

Медвежья пасть

Хмурое осеннее утро. Холодный пронизывающий ветер, морозящий дождик и унылые лица спешащих на работу прохожих не способствуют позитивному взгляду на жизнь. И, как назло, в соседней комнате разрывается телефон.

– Четвертый звонок, пятый, шестой... – считал я про себя, допивая остывший кофе. – В офисе столько народу, а трубку взять некому. Куда помощники подевались?

Поворчав, я резко встал со стула и через пару секунд оказался в другой комнате. Телефон продолжал трезвонить.

– Алексей, привет! Ты не мог бы принять одну даму? Она что-то хочет от меня, но я никак не пойму, что именно. Криминальные дела. Я цивилист¹, ты же знаешь. Третий час сидит, вынесла весь мозг.

– Здравствуй, Виктор Иванович, дорогой! Ты как-то без вступления. Хоть бы спросил, как жизнь? Для приличия. Дело-то хозяйственное?

– Да нет, убийство. Мужика серьезного убили из академических кругов. А толком я ничего не понял. Она плачет,

¹ Специалист по гражданскому праву.

несет всякую околесицу. Разговорить ее не удалось.

– А что она хочет? Я ведь не опер и не следователь, да и ты вроде тоже.

– Алексей Львович, я не знаю, что она хочет. Давай я ее пришлю к тебе на разовую консультацию. Нет – вешаю трубку. Она за стенкой сидит, я на улицу позвонить вышел.

– Хорошо, жду ее завтра к девяти утра.

– Нет, она просит принять ее немедленно.

– Пусть подъезжает, я в офисе. Как ее зовут?

– Изотова Валерия Владиславовна. Спасибо, друг, а то я не знаю, куда от нее бежать. Да, имей в виду, она – банкирша или что-то в этом роде. С меня коньяк, выручил. Даю твой телефон и адрес.

Дама приехала быстро. Мы с помощником не успели допить чай с чабрецом, как охрана сообщила о посетителе.

В кабинет вошла – нет, не так – ворвалась дама, породистая и надменная. Итальянский криминолог и психолог Чезаре Ломброзо смог бы очень многое рассказать о ней. Натуру человека, возраст, задатки он определял сходу, в том числе и криминальные. Ломброзо – гений. Я же сразу споткнулся на возрасте. Возраст клиента необходимо знать перед беседой. Да и вообще адвокату на первой встрече лучше знать о клиенте побольше. Я постарался быстренько вспомнить курс словесного портрета в криминалистике. Сколько же ей лет?

Морщинки лобные и височные в наличии, носогубные,

межбровные и в углах рта тоже есть. Но все сглажено, словно шлифовали. Глаза немного раскосые: видимо, подтяжка, а то и две. Волосы без седины, но крашенные, светлые, информации не дают. Походка и осанка спортивные – возможна коррекция фитнесом. Зубы неровные, похоже, свои. Но врачи научились так старить коронки, что ничего не поймешь, в них даже пломбы вставляют. Глаза очень внимательные. Видно, что от них не ускользнет ни одна деталь. Глаза – это плохо корректируемый признак прожитых лет. В возрасте взгляд несет отпечаток особой мудрости, не свойственной молодым. Да, по глазам – лет шестьдесят. Так, руки и шея, брови, губы. Точно, именно на этом Ломброзо фокусировал внимание. Кожа шеи дрябловата, горизонтальные морщины. Руки: кожа утонченная, выступают вены. На коже лица пигментные пятна отсутствуют, второго подбородка нет, но тут могли поработать косметологи. Итак, возраст – пятьдесят пять – шестьдесят лет. Лицо решительное, выражает крайнюю сосредоточенность. Брови домиком, внешние края лезут на макушку – привыкла властвовать, никого не будет слушать, уважает только силу. Губы тонкие, сжаты – жесткая, мстительная, напористая, сильная духом дама.

– Присаживайтесь, Валерия Владиславовна. Чай, кофе?

Ну, Ходорковский, держись. Если Чезаре не ошибся, тебе сегодня хана. Слушай и помалкивай, пока она не выговорится. Это, по ее напору, часа на два. Я налил две большие чашки кофе и настроился слушать. Но наши с Ломброзо про-

гнозы не оправдались. Со своей интуицией как со способом что-то предвидеть я расстался давно. Враки это все – ничего предвидеть нельзя. Но великий Чезаре! Тюремный психолог, светило!

Моя будущая клиентка, не успев присесть, положила голову на руки и разрыдалась. Она плакала, а мы с помощником бегали вокруг нее с водой да валерьянкой. Успокоившись, посетительница молча посмотрела в окно.

– Горе у нас, господин адвокат. Врата моего убили. Ни за что ни про что. Взяли и убили.

Она открыла сумочку, достала оттуда листок бумаги и, прочитав, видимо, мое имя, спросила:

– Вы Алексей Львович?

Я кивнул.

– Я никому не верю, мне нужен человек, который будет смотреть за работой милиции: что они делают, как ищут убийц. Да и вообще ищут ли. Разбираться с прокуратурой. Врат большим человеком был. Вы представителем нашей семьи будете, мы же теперь потерпевшие. Имеем мы право адвоката нанять?

– Конечно, Валерия Владиславовна, вы имеете право на адвоката.

Изотова приподняла брови. Взгляд стал колючим. Я следил за меняющейся мимикой.

– Сколько вам лет, Алексей Львович?

– Сорок.

– Хороший возраст для адвоката. В тридцать есть прыжок, но еще нет опыта. В шестьдесят есть опыт, но уже нет прыжка. В вашем возрасте еще есть прыжок и уже есть опыт.

– Да, я слышал это высказывание о балетных, но с ним можно поспорить. Пианист Ван Клайберн покори́л весь мир в восемнадцать, а в пятьдесят вышел в тираж. Вот вам и опыт, и прыжок.

– Да, исключения бывают. Ну, так вы согласны быть поверенным нашей семьи? Поможете нам? О гонораре не беспокойтесь, я – человек обеспеченный, торговаться не буду. Все текущие расходы в разумных пределах также будут вам возмещены. Врат был единственным самым близким мне человеком на этом свете. Никого не осталось...

– Валерия Владиславовна, помочь вам сейчас не сможет никто, брата не вернуть. Вы должны четко понимать, что адвокаты преступлений не раскрывают – это только в книгах и кино. У нас нет ни оперативных возможностей уголовного розыска, ни прав следователя. Если вы твердо решили нанять меня в качестве адвоката, то я со своей стороны гарантирую защиту ваших интересов. Постоянный контакт с оперативниками уголовного розыска и экспертами. Жужжать над ухом следственной бригады и не давать им расслабляться мы с помощником сможем! А теперь расскажите, пожалуйста, от кого вы узнали об убийстве, подробно о брате, его работе, семье. Я включу диктофон, если вы не возражаете.

– Не возражаю. Надеюсь, у вас есть запасные батарейки?! Думаю, рассказ будет долгим. Даже не знаю с чего начать...

Два часа, три чашки черного кофе и история жизни известного всей Москве ученого, выдающегося конструктора, лауреата всевозможных премий, любимца женщин предстала перед моими глазами.

* * *

Штаб опергруппы находился в помещении Ленинградского УВД Москвы. Большая уютная комната, заставленная разноцветными железными ящиками, из которых торчали толстые связки ключей с рельефными металлическими бородами. Ящики именовались сейфами и служили хранилищем секретов Московского уголовного розыска. Кроме сейфов в комнате стояли шесть черных столов и десятков стульев. Стены были увешаны фотографиями с места происшествия.

Вот и вся обстановка. В комнате находилось человек десять – двенадцать. Группу возглавлял начальник убойного отдела с Петровки полковник Серегин. Все собравшиеся, кроме одного человека, были мне не знакомы. Я хорошо знал майора милиции Константина Артемьева, начальника уголовного розыска Ленинградского УВД Москвы. Мы пересекались по одному уголовному делу и сдружились. Костя был толковый парень с хорошим академическим образованием,

любил бокс и женщин. Любовь к боксу, видимо, и сблизила нас. Мы были почти одногодки, оба бывшие боксеры и большие почитатели этого великого искусства боя. Косте – высокому, упитанному блондину с большими карими глазами – было 38 лет. Всегда модно и со вкусом одетый, он был больше похож на импозантного театрального администратора, вальяжно вылезавшего из личной, по тем временам престижной семерки «жигулей», чем на одного из лучших в Москве оперативников уголовного розыска. К нему-то я и подсел на уже начавшемся оперативном совещании.

Говорил Серегин. В лицо он меня знал, поэтому внимания моей опоздавшей персоне уделять не стал и продолжал озвучивать первичные версии совершенного преступления. Я ощутил нервозность окружающих. По репликам можно было определить состав команды. Костяк – сотрудники уголовного розыска. У окошка сидел и помалкивал следователь прокуратуры, усталый и не выспавшийся, видимо, отработавший сутки на осмотре места происшествия. За соседним столом перебирал фотографии эксперт-криминалист. О чем-то вполголоса спорили генерал из транспортной милиции и представитель оперативной службы. У входной двери стоял полковник из промышленной милиции и что-то писал в блокноте.

– Какие мысли, коллеги? Прошу версии, версии. Самые абсурдные и нереальные. Сейчас валите все. Потом отфильтруем и отработаем. Сейчас – любые соображения. У кого

что есть? Какие мысли, вопросы, предположения? Кто не был на месте происшествия – ознакомьтесь с фотографиями. Подробности у Артемьева, он там сутки отработал. Позже он доложит по результатам первичных оперативных мероприятий, в том числе и на месте происшествия. А пока версии, нужен мотив. Вы профессионалы, я хочу вас услышать. Почему такие скучные и кислые? Почему молчите? Стандартные версии у нас есть. Направление верное. Но этого мало. Мотив не ясен. Двойное убийство. Я весь внимание. Артемьеву завтра к вечеру завершить план оперативно-розыскных мероприятий. Министру докладывать будем, а у нас ничего.

Серегин говорил негромко. Между фразами он делал длинные паузы. Слова были доходчивы и в общей тишине комнаты звучали четко и ясно.

Народ молчал; видимо, на этом этапе сказать было нечего, все ждали сообщения Константина.

Артемьев встал из-за стола и, прихватив с собой пачку фотографий, подошел к видеопроектору. Выключили свет.

Из доклада моего товарища я понял, что два дня назад в элитном доме на Ленинградском шоссе в своей трехкомнатной квартире примерно в 10 часов вечера был убит сорокадвухлетний генеральный конструктор НПО «Теплофизика», член корреспондент Академии наук Игорь Николаевич Изотов и его гостья, тридцатилетняя Валентина Тамм. Изотову было нанесено шесть ножевых ранений, Валентине – два.

Предположительно, первым расправились с мужчиной, бедная девушка была обнаружена злодеем в кухне позже и как свидетель уничтожена. Ранения Изотову были нанесены в обоюдной драке длинным, острым предметом. По предварительным исследованиям медиков, изучающих пораженные органы, тесак был не менее 20 сантиметров. Большая гостиная, где происходила схватка, была превращена в кровавую бойню. Стены, двойные стеклянные двери, хрустальная люстра, пол, стекла книжного шкафа были забрызганы кровью. Все демонстрируемые фотографии пестрили красным цветом, а темнота кабинета только усиливала эффект. Кровь принадлежала убитому. Было высказано предположение, что потерпевший знал убийцу. По предварительному заключению криминалистов замок входной двери открывался только родными ключами. Взлома двери и окон не было.

Жена убитого Инга, вызванная вчера из Шауляя, где отдыхала с дочкой, заявила, что с рабочего стола мужа пропал золотой самородок, все остальные ценности и деньги на месте. Оперативный опрос жителей дома, обитателей двора и автостоянки на этот час результатов не дал. Работа по дому и окрестностям в настоящее время продолжается. Соседи снизу около десяти вечера слышали шум в квартире сверху, но значения этому не придали. Кричали мужчины, но кому принадлежали голоса, они не знают. Константин сообщил, что сегодня завел розыскное дело по факту убийства, так как преступление совершено на территории их района, и попро-

сил всех членов группы любые интересные сведения и копии документов сдавать ему.

Серегин предложил подготовить план по работе на завтрашних похоронах Изотова и Тамм. Напомнил про видеосъемку на обоих кладбищах и в залах прощания. Все действия просил согласовать с оперативниками ГБ. На церемониях прощания, при транспортировке и на кладбищах будут работать несколько бригад Госбезопасности. После чего руководитель объявил перерыв. На продолжение совещания пригласили только оперативников. Следователи, криминалисты и я нарочито медленным шагом поплелась к выходу. В коридоре нас встретили безликие фотороботы уголовников, без всякого уважения прищипленные к грязной серой стене. Закрытая часть совещания, посвященная оперативной работе, продолжалась без нас.

* * *

На встречу в киноцентр на Красной Пресне я пришел вторым. Для меня это редкость. До назначенного времени оставалось минут двадцать. На беседы лучше приходить первым, подготовиться к разговору, заказать кофе, воду. Инга Донатовна, жена Игоря Изотова, меня опередила. Я представился. На столике уже стояли две чашечки кофе.

– Инга Донатовна, здравствуйте. Меня наняла Валерия Владиславовна для защиты интересов вашей семьи и...

Договорить мне не дали.

– Алексей Львович, мне звонила вчера Валера и все рассказала. По-моему, адвокат нам совершенно не нужен, но если она хочет... Вы меня пригласили в это странное место, видимо, что-то важное сказать. Слушаю вас внимательно.

– Уважаемая Инга Донатовна, мне не хотелось встречаться с вами в офисе или приезжать к вам домой. Здесь уютно, хороший кофе и, главное, нет музыки, которая мешает при деловом общении. Я начал работать по делу. Мне нужна информация о вашем муже. Меня интересует все, что вы сочтете нужным мне рассказать. Хотелось бы узнать о круге его знакомых, их телефонах, всех событиях в вашей семье в последнее время. Выли ли угрозы с чьей-либо стороны? Мне интересна ваша версия преступления.

– Пусть вас не удивляет мое спокойное поведение. Ведь муж убит, отец моей дочери. Все это ужасно. Не удивляйтесь. В последние годы мы с Игорем стали далеки друг от друга, хоть и жили вместе. Чужими стали. В Литву мы с дочкой ездили квартиру присмотреть. Муж мне деньги выделил на покупку жилья. Я родом из Прибалтики, из Шауляя. Хотела вернуться в родные места. Теперь куда я поеду? Здесь квартира, дом. Хотя все это неважно. Такой кошмар! Все за гранью понимания. Убить двух людей. Зверство какое-то...

Знакомых у мужа можно насчитать пару сотен человек, если не больше. Пол-института, я уж не говорю про Академию наук и полигон. Игорь был добрым, безотказным чело-

веком. Ни с кем никогда не ссорился, не плел интриги, старался помогать кому только можно. Помню, приходил домой и начинал названивать: кого-то устраивал на работу, кому-то с получением квартиры помогал, кого-то записывал на прием к модному профессору, кому-то помогал со статьей, кому-то доставал позарез нужное тому новое оборудование в лабораторию.

Он не делил просьбы на важные и неважные. Если к нему обращался человек, значит больше помочь никто не смог. Если у него что-то не получалось, а это случалось крайне редко, он страшно переживал, мучился, звонил, звонил, требовал и в итоге добивался всего, чего хотел. Все, кому он помогал, всячески благодарили и стояли за него горой. А многие ненавидели. Может, потому что в чем-то нуждались, а за помощью обратиться гордость не позволяла, может, банально завидовали. У него всегда все получалось, не шутка ли – в 34 года возглавить объединение! Наверняка были и другие претенденты на такое теплое местечко, и вряд ли они спокойно проглотили, что какой-то «мальчишка» их обскакал. Да и потом, все свои задумки он доводил до конца: захотел новый корпус построить – пожалуйста, нужно новое оборудование для лаборатории – получите и распишитесь. Дополнительные расходы на испытания – он только подумал об этом, а из министерства уже письмо присылают: «Ваша просьба рассмотрена и удовлетворена». Так что, думаю, зуб на Игоря имели многие руководители его ранга. Какие про-

тив него интриги плелись в министерстве, какие доносы писались! Паскуале отдыхает! Он кое-что рассказывал – так мне дурно делалось. А ему хоть бы что – смеется и меня успокаивает.

Это что касается работы. Выла еще и личная жизнь. Казанове он не уступал, к сожалению. Не раз я находила в почтовом ящике анонимные письма, рассказывающие о его любовных похождениях. Причем некоторые повествовали с такими подробностями – любовные романы, да и только. Я подозреваю, что их собственноручно писали бывшие возлюбленные. А пару раз ко мне незнакомые люди на улице подходили и начинали всякие гадости про мужа говорить: то с секретаршей спит, то с бухгалтершей по ресторанам ходит. Всякое плели – вспоминать противно. Наивные люди, они думали, я ничего не знала про его любвеобильность...

Не понимаю, что такое в нем было, но на него девицы так и вешались, ему для этого даже делать ничего не надо было. Сколько раз мы в клубе сидели, он только встанет, а к нему уже полк красавиц с соседних столиков бежит, чтобы пригласить на танец. А он и отказать-то не мог. Как они к нему прижимались, как жеманничали! И их совершенно не смущало, что он пришел с женой. Так что я не удивлюсь, если он весьма активно крутил романы с сотрудницами. Кому из мужей или женихов это может понравиться?

– Инга Донатовна, скажите, а какие-то конфликты у Игоря Николаевича со знакомыми были?

– Примерно пять лет назад у нас в доме появился Юнисов Руслан Сергеевич, генерал гражданской авиации, в то время он был командиром объединенного авиаотряда в Иркутске. Обаятельный, компанейский мужик в синей авиационной форме, высокий, широкоплечий – глаз не оторвешь. Игорь познакомился с ним где-то на полигонах во время испытаний. Руслан мечтал стать кандидатом наук и обратился за помощью к мужу. Игорь все быстро организовал: и научные статьи, и саму работу. Через полгода успешно прошла защита. Как они рассчитывались между собой, я не знаю, но муж остался доволен... Все трения между ними начались позже. Руслан заказал докторскую диссертацию и подарил Игорю золотой самородок, похожий на голову медведя с открытой пастью. Огромный, размером, наверное, с заварочный чайник. Муж говорил, что это большая ценность и что у этого подарка есть своя история. Именно в этот момент я почувствовала опасность, испугалась: боюсь золота, особенно старого. С драгоценностями карма, судьба переходит. Я рассказала Игорю о своих страхах, но он улыбнулся и говорить на эту тему не стал. С этим слитком он возился, как ребенок с любимой игрушкой: везде возил с собой, хвастался перед друзьями и сослуживцами, рассказывал историю старого русского купеческого рода чаеоторговцев, которые раньше владели этой реликвией.

– Что-то страшное?

– Нет, нет, Алексей Львович, ничего пугающего в этой

истории нет. Это рассказ об очень интересной русской семье. Основатель, крупный чаеоторговец – не очень грамотный, но очень дальновидный, – вложил свои миллионы в образование детей, коих у него было много. Мудрое распоряжение капиталами дало свои плоды: дети и внуки богатого купца стали известными врачами, дипломатами, собирателями картин.

– А что вышло с защитой докторской у Юнисова?

– С докторской диссертацией у Юнисова дело не пошло. Муж хотел ее засекретить, а соискатель допуска к секретам не имел. С открытой тематикой ничего не получалось. Статей у Руслана было мало, в науке его никто не знал. Диссертация сыпалась. Я просила! Нет, я умоляла мужа вернуть самородок, но он только посмеивался надо мной. Где-то полгода назад, зимой, Руслан Сергеевич стал регулярно звонить нам из Иркутска и Омска. Требовал конкретных сроков защиты докторской, просил вернуть золото. Все обаяние, учтивость, интеллигентная речь куда-то исчезли. Сплошной мат-перемат и угрозы. Два раза приезжал к нам домой раздраженный и опять – угрозы, угрозы. Но Игорь совершенно не реагировал на эти выпады. Мол, выпил лишнего, вот и бужит. Однако Руслан Сергеевич приезжал к нам совершенно трезвый. Я стала бояться его.

– Скажите, а когда последний раз Юнисов был у вас дома?

– Примерно месяц назад, числа я не помню.

– Как вы считаете, он мог совершить убийство?

– Не знаю. Я думала об этом. Образованный, интеллигентный человек, высший комсостав гражданской авиации. Он должен был понимать, что попадет под подозрение первым. Не знаю. Но угрожать угрожал, то ли в запале, то ли от обиды, скандалы были.

– Инга Донатовна, у вас есть еще какие-то предположения? Кто мог совершить убийство? Извините меня за бестактный вопрос, но теперь не до нюансов. Муж Вали, Валерий Тамм, способен на злодейство? Вы его знаете?

– Валера любил Валюшу до безумия, и давно уже никакой ревности не было. Валя была референтом Игоря, они проводили много времени вместе, и про их роман давно все знали. И я знала, и Валера знал. Вот так случилось. Мы с дочкой и хотели уехать... А муж у Вали хороший, добрый парень. Дочку ему одному поднимать... Мы на поминках с ним говорили, он плакал. Если убить Игоря с большой натяжкой он еще смог-бы, то Валю – исключено. И давайте с этой темой закончим, если вы не против. У меня к вам просьба, Алексей Львович. Вы, видимо, имеете право присутствовать на осмотрах или обысках? Так вот, если найдете этот злополучный самородок, отдайте его, пожалуйста, в музей или хранилище. Куда положено в таких случаях. Мне он не нужен. Избавляться от него надо.

– Да, да я уже выписал адвокатский ордер на участие в обысках. Сегодня же созвонюсь со следователем. Результаты незамедлительно сообщу. У меня к вам просьба – всю сего-

дняшнюю информацию повторить на допросе в прокуратуре. Это важно.

* * *

Все началось в далеком 1860 году, когда купец первой гильдии Конон Боткин снарядил и возглавил экспедицию для спасения золотоискателей в Бодайбо. Приехали они как раз вовремя: людей в забое спасли, за что благодарные старатели преподнесли Боткину золотой самородок – огромный, килограмма на два, кусок благородного металла, внешне походивший на морду медведя с открытой пастью. Слиток, бережно завернутый в грязную тряпку, преподнес суровый мужик в медвежьем тулупе. На секунду замешкался и, опустив глаза, невнятно пробурчал:

– Наши бабы говорят, что золото – металл ценный, но уж больно коварный. К новому владельцу переходят все беды прежних хозяев, зло переходит. Мы в это не верим, да и вы в голову особо не берите. Ну а этот самородок чистый, из земли он. Митяй – вы его последнего из забоя вытащили, еле живого – он золото и нашел. После этого сразу к тебе, хозяин. Так что ежели не боишься, мил человек, бери, сам понимаешь, больше нам отблагодарить тебя нечем.

Конон усмехнулся в усы и с поклоном взял подарок, положил за пазуху и уехал.

На слова мужика он не обратил никакого внимания. В

Сибири и без суеверий приключаются всякие странности да неприятности: то сани перевернутся, то волки вокруг лагеря встанут и всю ночь в спину дышат. Кучера хворь непонятная скосила – всю ночь мучился, а под утро пятнами покрылся и умер; склад загорелся, и за полчаса весь товар сгорел. Напасти все время преследовали купца и его дело, но с дареным золотом он их не связывал. Жизнь длинная штука – всякое случается. После пожара торговля пошла на спад. Конон собрал всю семью – жену и двух сыновей, Дмитрия и Павла, – и поехал из Омска в новую жизнь, в Москву.

По правде говоря, переезд он планировал давно: хотел развернуться, начать серьезное дело, тесно ему стало в небольшом сибирском городке.

Белокаменная в ту пору увлекалась чаем. В каждом зажиточном доме стоял кипящий пузатый самовар, а вокруг него собирались домочадцы. Но цены на чай кусались, в Москве он стоил раз в десять дороже, чем в Европе, да и вкус его оставлял желать лучшего. Конон основал в Москве фирму оптовой чайной торговли «Товарищество чайной торговли Конон Боткин и сыновья». Старший сын Павел показал себя купцом толковым и хватким, придумал, как уменьшить налогообложение. Пришлось ему не раз и не два посетить Китай, эту диковинную страну, договориться в Поднебесной об обмене чая на русский текстиль и драгоценные металлы. И цели своей он добился. Через год дорога чайным караванам была проложена, цены пошли вниз. Чай хлынул в Россию. С

этого момента не было у купцов Боткиных конкурентов ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге.

Еще через год Боткины стали уважаемой и богатейшей купеческой семьей в Москве. Отстроили шикарный особняк на Земляном Валу, стали устраивать званые воскресные обеды. Не проходило и недели, чтобы к молодым наследникам миллионного купеческого состояния не приходили сватать лучших московских невест.

Чем больше богатела семья Боткиных, тем мрачнее становился Конон, к тому времени уже седовласый старец. Улыбку на лице вызывал лишь золотой самородок, разбрасывающий яркие блики по потолку и стенам, который в доме прижился. На все уговоры знакомых купцов продать «медвежью пасть» старик, не задумываясь, отвечал отказом. Как продать? Подарок ведь и подарок от всей души. Хотя червячок сомнения его грыз: деньги то немалые – такой каменище, наверняка, целое состояние стоит. Но продавать не спешил. А когда младший, Дмитрий, сообщил о предстоящей свадьбе, отец решил подарить ему самородок.

«Дима, младшенький, парень толковый и образованный, но торговлей не интересуется, знай себе картины собирает. Иногда так разохотится о живописи рассуждать – ни слова не поймешь. И главное, везде, где только можно, понавывешивал свои картины – нигде от них спасения нет. О своей галерее мечтает, работы иностранцев москвичам показывать хочет. Вот пусть и мою «медвежью пасть» там выставит», –

рассуждал Конон.

Отец очень недоволен был собирательством сына, не приносящим в дом ни копейки денег; наоборот, то и дело приходилось изымать из оборота существенные суммы на непонятную мазню – так называл он про себя полотна импрессионистов. Живопись купец не понимал и друзей сына недолюбливал.

«Богатые бездельники. Только и знают, что толкуют об искусстве, а сами встают не раньше полудня и весь день по дому в шелковых халатах разгуливают. Не по-людски все это», – ворчал себе под нос глава семейства.

Но сыну своих претензий не высказывал: твердо верил, что каждому на роду своя судьба написана, и может, действительно вся эта непонятная ему живопись будет оценена потомками.

«Вот откроют музей в Москве и на доске у входа напишут большими буквами его фамилию: основатель музея Дмитрий Кононович Боткин. Значит, не зря все это», – мечтал Конон.

Старшего же сына, Павла, считал надеждой и опорой семьи. Дела хорошо ведет, в Китай за товаром ездит, в складском амбаре навел чистоту и порядок.

Любил он сыновей своих до беспамятства и никогда не забывал: все, что он делает – только ради них. Все это богатство: склады, забитые китайским чаем, шикарный трехэтажный дом с персидскими коврами и хрустальными люст-

рами, конюшня с породистыми жеребцами – все для них, для мальчишек. И не только это. Образование – вот, что считалось самым главным в семействе Боткиных. Сам Конон никогда в школе не учился, о чем всегда жалел. Читать научил его приходской священник по слогам еле-еле, счет освоил он сам, работая приказчиком в лавке отца, а вот дальше дело не пошло. И всякий раз, проходя мимо книжной лавки, сердце его завистливо сжималось. Ведь кому-то доступна вся эта многовековая мудрость, но не ему. Поэтому, как только бизнес стал приносить доход, Конон первым делом нанял своим сыновьям репетиторов для подготовки к поступлению в Московский университет.

Павел учился неохотно, торговые дела волновали его больше, чем хроники давно минувших лет. Отец не настаивал, понимая, что талант купца – это особый дар, чему в университетах не научат. Дмитрий же, наоборот, оказался очень восприимчив к наукам. Быстро освоил латынь, влюбился в историю, археологию, литературу, ну а искусствоведение стало его страстью. Он часами мог разглядывать старинные гравюры, живопись голландских мастеров, православные иконы. Его критические статьи публиковались в самых уважаемых журналах, а к мнению относительно подлинности картин прислушивались все столичные антиквары.

Поговаривали, что у Дмитрия есть большая коллекция картин, но ее мало кто видел – картины висели в доме отца хаотично, там, где появлялось свободное место, и пока-

зывать их в таком виде было неловко. Мысли о музее, еще робкие и неоформленные, уже витали в голове молодого ценителя искусства. Близкий друг Дмитрия, Илья Михайлович Третьяков, был к тому времени уже известным собирателем, от него Дмитрий и заразился любовью к живописи, увлекся западноевропейским искусством. Россия о нем знала мало, и Боткин ощущал себя первооткрывателем.

Коллекционирование его захватило. Пока это были единичные, разрозненные картины, о коллекции говорить было рано. Но картин становилось все больше и больше, и места в отцовском доме уже не хватало. Так что, когда Дмитрию тактично намекнули о возможном браке с внучкой московского градоначальника, он был совсем не против. Невеста оказалась премиленькой, умненькой девчушкой и Дмитрий решил: «Женюсь!» Конон подарил молодым усадьбу рядом с Покровским монастырем.

После свадьбы Дмитрий с женой переехали в свой дом на Покровке, д. 27². Весь второй этаж этого большого и уютного особняка был отдан под галерею. Впервые в Москве демонстрировались полотна Добиньи, Коро, Курбе, Руссо, Милле... Кто бы мог предположить, что из этого выйдет!

В конце XIX века усадьба стала московской достоприме-

² Особняк Дмитрия Кононовича жив и поныне. В нем располагается культурно-просветительский центр, который с любовью провел реставрацию здания. Там проходят концерты, продаются книги, работает чайный клуб. Сохранилась парадная белая мраморная лестница. Дубовые резные двери и разноцветные мраморные каминные порталы бесследно исчезли в 1990-х годах.

чательностью. Была собрана уже большая, полноценная галерея западной и американской живописи. В средствах Дмитрий Кононович стеснен не был и покупал в Европе лучшее. Кроме картин в залах усадьбы на разноцветных мраморных каминах Боткины выставляли бронзу и фарфор. Посуда русской фабрики Гарднера была жемчужиной фарфоровой экспозиции. Центральный выставочный зал с мозаичным цветным паркетом из разных пород дерева и огромными резными дубовыми дверьми впечатлял своим великолепием. На белоснежном, необыкновенной красоты мраморном камине, увитом белыми мраморными розами, красовался золотой самородок.

Спокойно и тихо в окружении любящих сыновей отошел в мир иной 86-летний Конон Боткин. Никого это не удивило – старик в последнее время не вставал с постели. А жизнь потекла дальше размеренно и неторопливо. Лишь одно происшествие перед самой смертью отца озадачило сыновей. Вспомнил он про самородок, приподнялся на постели к самому уху Дмитрия и прошептал, с усилием двигая языком:

– Ты, Дима, камешек береги, сила в нем есть, будь осторожен...

Вечером того же дня он умер.

* * *

Дворец спорта «Крылья советов» на Ленинградском про-

спекте – известное место среди боксеров. Все московские бойцы либо тренировались здесь, либо участвовали в турнирах. Борис Лагутин, лучший из лучших, начинал там юношей у дяди Миши³ и туда же дважды возвращался олимпийским чемпионом. Красивый звездный купол, удобный зал, совершенно домашняя обстановка влебаляют в себя раз и навсегда. Именно в Крылышки я пригласил Константина Артемьева на бокс. Решил бои посмотреть и дело обсудить. С момента совершения двойного убийства прошло три месяца. По поведению следователя я понял, что дело зависает. Напрямую никто ничего не говорил, но задержаний подозреваемых не было, настроение у всех в бригаде было кислое, молчали, глаза отводили. Основные версии следствие отработало. Новой информации нет. Боевой запал у оперов поостыл, работа шла уже по инерции. Назрел разговор с Костей.

Прошли первые разминочные бои. На ринге работали «мухачи». У легких боксеров самый качественный бокс. Давно замечено, чем меньше рост и вес, тем лучше координация движений. Коренастый, резкий парень из красного угла лихо бьет боковые удары слева. Подскок и быстрый свинг. Красиво и технично. Прямые удары не доходят, руки коротковаты. Это компенсируется отличной работой ног. Он прыжком молниеносно рвет дистанцию, клинует, входит в ближний бой и пробивает оборону противника. Худо-

³ Михаил Иткин, заслуженный тренер СССР, тренер Б. Лагутина и многих других чемпионов. Работал во Дворце спорта «Крылья советов».

щавый боксер из синего угла выше ростом, длинные руки и «легкие» ноги дают преимущество в бою. Хорошо кружит по рингу и хлестко бьет с дистанции. Проходят в основном прямые «двочки», но жесткого удара, похоже, нет. На ринге у боксеров восьмиунцовые перчатки, эластичные бинты. У каждого в паху бандаж, а во рту капа. Все поровну, все честно.

После жесткого хука «красного» я на несколько секунд закрываю глаза. В воображении предстала неравная схватка безоружного Изотова с вооруженным злодеем. Замах, удар. Игорь, защищаясь, выставляет руку, сеченая рана, первая кровь.

«Синий» проводит свинг левой через руку соперника, нырок под встречный боковой, и, наконец, сайд-степ и правый прямой. Крепыш встает на колено. Нокдаун. Судья открывает счет.

На цифре три закрываю глаза. Снова представил мысленно: Изотов на полу, враг наносит ему, лежащему, последний удар. Огромный нож зажат в руке убийцы. Удар сверху вниз, в грудь. Кровь, хрипы, защитных действий нет, жертва недвижима. Нападающий ничего не видит, сознание помутилось, на лице звериный оскал, злоба, страх.

На ринге судья отсчитал до восьми. Пружинистый «красный» легко встал и рванулся вперед. Поединок продолжился. «Синий» после нокдауна пытается форсировать события и закончить бой досрочно. «Красный» виснет на канатах, де-

лает пару защитных нырков, проводит резкий апперкот снизу по печени и быстро уходит приставными шагами в центр ринга. «Синий» хватается за правый бок и с искаженным от боли лицом падает на настил. Нокаут. Все, бой закончен⁴.

Напряжение спало. Снова прикрываю глаза: Изотов на полу, лицом вниз. В комнате больше никого.

Игорь не шевелится. Все, конец. Вой окончен. Вой неравный, подлый. Вой преступника с жертвой.

Перед выходом чемпионских пар мы с Артемьевым сели перекусить в кафешке под трибунами. Обстановка была торжественная. Вокруг сновали боксеры и тренеры. Болельщики были улыбчивы и доброжелательны. Прямые носы и пружинистая походка выдавали принадлежность публики к боксу.

– Костя, что-то тишина на фронтах. Так активно начинали, вся Петровка на ушах стояла, а сейчас следователь от меня нос воротит. Похоже, у него слова кончились... Неужели висяк?

– Леш, даже не знаю, что тебе сказать. Клиенты теребят?

– И клиенты теребят, и «за державу обидно». Рабочие же

⁴ Нырок – защита с уходом вниз и в сторону; клинч – блокировка действий противника; сайд-степ – уход ногами с линии атаки, обычно проводится со встречным ударом; свинг – боковой удар левой рукой; хук – боковой удар правой рукой, считается сильнейшим в боксе; апперкот – удар снизу вверх согнутой рукой; прямые «двочки» – два прямых удара подряд левой и правой руками; капа – защита губ и зубов; нокдаун – потеря ориентации до 9 секунд; нокаут – потеря ориентации на 10 секунд и более.

версии были. Есть что-нибудь новенькое?

– Новостей много. Свидетеля нашли. Житель соседнего дома из театра возвращался в день убийства. Проходил по детской площадке напротив дома Изотовых. Выяснили все в театре, провели эксперимент. Установили время прохода театрала: 23 часа плюс-минус 5-7 минут. Он видел выходящего из подъезда мужика, немного сбоку. Достаточно внятно описал приметы: выше среднего роста, широкие плечи, сутулится. Возраст – за 50. Походка тяжелая, шел медленно, смотрел вниз, под ноги. Цвет волос неясен, была кепка либо шляпа. Увидев нашего свидетеля, развернулся и ускорил шаг. Одет был в коричневый длинный плащ, темные брюки. Обувь в поле зрения не попала.

Мы, Леш, отработали весь подъезд. Опросили всех, даже командировочных и отдыхающих вне города жильцов. Такой мужик в подъезде не живет. Возможно, это и есть наш искомый злодей. Но лица свидетель не видел. Опознание провести сложно, сам понимаешь, если только одежду найдем. Провели обыски у Юнисова в Иркутске и Омске, там его первая жена живет. Похожего плаща и самородка не нашли. Зацепиться не за что. У Тамма обыск тоже ничего не дал. Юнисов ведет себя совершенно спокойно, выдал нам четкое алиби. В день убийства был в Омске у бывшей жены. Общался с сыном и внуками. Проверили, все подтвердилось. Даже детей допросили с педагогом. Руслан – довольно частый гость в Омске, так что алиби железное.

Два месяца бригада угрозыска транспортной милиции проверяет все железнодорожные и авиабилеты в Москву и близлежащие города на имя Юнисова. Результат отрицательный. Проверяли все служебные билеты для летчиков – ничего. Никакой зацепки. Даже в Москву его вызвать не можем, допрашиваем в Иркутске. По Валере Тамму работают две бригады из убойного отдела МУРа. Алиби. Он в интересующий нас вечер был с дочкой у матери в Шатуре. Играли в лото с соседями до часу ночи. Там же и заночевал. Десяток свидетелей. Из квартиры не выходил ни разу. По оперативным каналам отработали все «залетные» воровские бригады, работавшие в эти дни в Москве. Результат нулевой. Да и не похоже на воров. Взлома нет, подбора ключей тоже нет. Изотов дверь сам открыл. В доме было полно украшений, денег, валюты, дорогой техники – ничего не взяли.

– Костя, а что с золотым самородком? Ведь Инга дома его не нашла.

– Самородок исчез. Возможно, он украден из квартиры убийцей. Перед отъездом Инги в Прибалтику самородок стоял на своем обычном месте в квартире – на рабочем столе Игоря Николаевича. Мы провели обыски у Изотова во всех адресах проживания и работы – самородка нет.

– А что говорит Юнисов про это золото?

– Заявил, что самородок не видел с тех пор, как подарил его Изотовым.

– А про диссертацию спрашивали?

– Да, я сам его допрашивал трижды. Полностью подтверждает слова Инги Изотовой.

– Убийство, конечно, отрицает?

– Леш, ну об этом ты мог бы и не спрашивать. Говорит, что он старый, опытный летчик, ордена имеет. Всегда защищал и оберегал чужие жизни и руку поднять на человека не может. Обещал жаловаться на нас: преследуем, мол. Отрабатывали и другие второстепенные версии, не хочу тебя перегружать – пусто.

– Костя, какие планы?

– Продолжаем изучать видеозаписи с похорон и поминок, устанавливаем личности присутствующих. Проверяем каждого, алиби изучаем. Пока ничего интересного. Зацепиться не за что. Хотим с бригадой в Светлов на полигон съездить, где бывал Игорь Николаевич, с людьми поговорить, может, кто чего интересного расскажет. Там ведь и Юнисов появлялся. Хочешь с нами махнуть? Говорят, грибов море, никто не собирает, территория закрытая.

– А пустят меня? Допуск же нужен.

– Пустят, пустят, я узнавал. Мы же не в промзону едем, а в жилой поселок. Там никаких секретов нет. Игоря наверняка все знали. Генеральный все же. Вот мы у костра под уху и поболтаем. Глядишь, и зацепимся за что-нибудь.

Кофе допили. Из зала стали слышны удары боксерских перчаток и звуки гонга. Перебрались на трибуны. На ринге работали тяжи. Нас увлекла интрига боя. О деле больше не

говорили.

* * *

Начало XX века «Товарищество чайной торговли Конон Боткин и сыновья» встретило на подъеме. Мануфактура и драгоценные металлы по-прежнему обменивались у китайцев на чай. В поселке Кяхта, недалеко от Угры, Боткины открыли торгово-обменный пункт. Место было облюбовано удобное, на самой границе России и Китая. Район состоятельных людей. Контора Боткиных возвышалась над домами и была видна издали. Вечерами огни светили празднично и ярко. Все как будто замирало в царстве холода и ветров. Братьев здесь почитали за честность и богатство. Чай перевозили в центр России на лошадях, в больших коробах из толстой кожи, китайцы их «цыбиками» называли.

Солнце изредка разбрасывало разноцветные лучи над разбитой тропой. Чаще снег, дождь и ветер мешали лошадям и возницам. Но бесчисленные чайные караваны шли и шли через Сибирь. Крепло и развивалось дело Боткиных.

Дмитрий Кононович пошел на компромисс, стал помогать брату и прекрасно совмещал работу в торговом амбаре со своим главным и нелегким делом толкового и любящего собирателя. Его неудержимо влекло к живописи. Каждую картину он изучал, облюбовывал и не покупал зря. К 1915 году картинные комнаты Дмитрия Боткина были известны всей

Москве. Вечера у Боткиных на Покровке были очень уютными и модными среди почитателей живописи.

7 ноября (25 октября) 1917 года произошла Октябрьская революция. Сыновья Дмитрия Кононовича разделили пополам художественное наследие отца, не дожившего до этих смутных дней.

После этого было многое: Сергей Дмитриевич, профессиональный дипломат, вывозит свою часть картин через Константинополь и Берлин во Францию. Теперь можно и вздохнуть спокойно. Не торопясь, с чувством и расстановкой продает он картины местным музеям, а на вырученные деньги в достатке проживает в Париже до середины XX века. Умирает Сергей Дмитриевич в преклонном возрасте, пережив на несколько лет свою любимую жену.

У Петра Дмитриевича – другая судьба... Он остается в России и, прекрасно понимая революционный запал новой власти, незамедлительно передает все ценности в Московский музей изящных искусств. Все, кроме самородка.

«Почему не уехал вместе с братом?» – этот вопрос не раз задавал себе Петр Дмитриевич. Возможность такая была, но он ей не воспользовался. Любил Россию?! Боялся менять устоявшийся уклад жизни? Не верил в серьезность грядущих перемен? В итоге изменилось все, чего он менять не хотел, да еще и брата потерял, не получив от него ни единой весточки из-за границы.

Это чувство вины, ощущение судьбоносной ошибки, сто-

ившей благополучия его семье, лежало тяжелым камнем на его душе.

А может, дело в золотом самородке? Как могла сложиться жизнь его семьи, если бы самородок перешел к брату?! Ответа не было, и вопрос висел в воздухе немым укором.

Революция есть революция – нравы суровые. В родовом особняке на Покровке домком выделяет Петру с семьей маленькую комнатку с окном в коридор. В коридоре и на кухне воды нет, лампочка не загорается, толчея возле уборной. За стеклом мелькают перекошенные физиономии каких-то людей, которые таинственно улыбаются. Слышны похмельные речи. На улице то вспыхивают, то гаснут фонари. Петру все было отвратительно и чуждо. Его постигло сильное разочарование. Но выводы надо было делать вовремя. Теперь поздно!

Все закрутилось, как в калейдоскопе. Картинные залы перерегораживают, ввозят двухъярусные стальные койки и заселяют учащихся Наркомпроса⁵. Продуктовых карточек семье Петра не выдают. Нищета. Голод.

Курсанты-просветители оказались народом не злым, а очень даже отзывчивым на чужое горе. По ночам, в отсутствие коменданта они подкармливали Боткиных. Вот так Петр Дмитриевич в собственном доме был спасен веселыми, революционно настроенными, но совсем не жестокими ребятами с красными бантами на груди. По ночам боевые пес-

⁵ Народный комиссариат просвещения.

ни стихали, красного на одежде становилось меньше, и молодежь, в основном девчухи, слушали рассказы о Париже и французах, о Лувре, барбизонцах и импрессионистах, о картинах и скульптурах.

Курсантам было ясно, что Боткин – социально чуждый элемент. Но как же потрясающе он рассказывал! Дух захватывало от другой, неведомой им сказочной жизни...

Летом 1918 года Петра с женой и дочкой вовсе выдворяют из Москвы: мол, не время сейчас в Москве безработным жить, опасно и не положено. Дали направление на работу в Иркутск в местный музей. Все добро уложилось в одном чемодане. Золотой самородок лежал на дне, аккуратно завернутый в полотенце. Французский чемодан и самородок «Медвежья пасть» – это все, что осталось у Петра Дмитриевича от прошлой жизни. Боткины шагнули в темноту...

В Иркутске семья музейного служащего получает комнату и продовольственные карточки. Московские страхи стали забываться. Власти Петра Дмитриевича не трогают. Через два года родилась вторая дочка, Верочка. Жили бедно, но в семье были счастливы. Петр, прогуливаясь с женой, частенько читал народные нелепицы, которые долгие годы записывал. Обветренное лицо оживало. Он просыпался, как сонный голубь в солнечный день, и начинал шпарить:

Шла японка с длинным носом,
Подошла ко мне с вопросом:

Что мне делать, как мне быть?
Как мне нос укоротить?
Вы купите купоросу,
Приложите его к носу.
А потом, потом, потом
Отрубите долотом.

Жена заливалась смехом, а ее серые глаза смотрели на него с любовью и какой-то особой нежностью.

О судьбе семейной коллекции Петр ничего не знал. Это беспокоило, томило. Спросить было не у кого, а начать поиски он побаивался. Врат не писал. Адреса Сергея не было. А если бы и нашелся адрес, никто бы письма не доставил. Времена были сложные, предвоенные. Хороший анекдот гулял в то время: «Жили все, как в трамвае: одни сидели, а другие тряслись...» Так что старые воспоминания лучше было не ворошить.

* * *

Елена Богданова давно работала научным секретарем аспирантуры НПО «Теплофизика». Я хотел с ней встретиться в Москве, но она с мужем уже месяц жила на полигоне в поселке «Светлов-5» под Иркутском. Лена последние годы была правой рукой Изотова, и никакие решения, связанные с диссертациями, без нее не принимались.

Костя оказался прав. Грибов и ягод в Светлове было много. А когда много, то и интерес сразу пропадает. Азарта нет.

Нагулявшись по лесу и наевшись ухи у костра, я направился в гости к Богдановым.

Лена встретила меня приветливо, даже пыталась шутить. Мужа она сразу отправила в другую комнату, сославшись на конфиденциальный разговор. Нам никто не мешал.

– Алексей, мы можем без отчеств? То, что я вам скажу, наверно, не положено говорить про ушедших. Но я надеюсь, что наша беседа хоть как-то приблизит вас к раскрытию этого... случая.

– Лена, спасибо за доверие. Но адвокаты, к сожалению, преступников не ищут.

– Не знаю, кого ищут адвокаты, но в объединении все говорят, что вы на стороне Изотовых. Пытаетесь разобраться в этой ужасной истории.

– Да, это верно. Чем могу, помогаю операм угрозыска в проверке версий. Защищаю интересы потерпевших. Все запутано, двойное убийство, кража золотого самородка, а подозреваемого нет.

– Муж нас не слышит, ну а вы потерпите меня минут десять. Не удивляйтесь моим словам. Убийство совершено из-за женщины. Я в этом уверена. Нет ни одной бабы на нашем предприятии, которая бы не была увлечена Изотовым. Обаятельный мужик. Красив, богат, кабинет из шести комнат, машина шикарная, дом в Тарасовке. Я сама была влюблена по

уши, что было, то было. Встречались. Потом работа общая, и как-то все рассосалось. Любил он женщин и не обижал их. Всем подарки делал, духи лучшие, украшения. Я как-то в сейф к нему заглянула, так там побрякушками две полки были забиты. С путевками на отдых девчонкам помогал, детей в пионерлагерь устраивал. Даже после расставания никто на Игоря Николаевича зла не держал, во всяком случае внешне. А вот с их мужьями и женихами все по-другому было. Драки, ссоры, и били Игоря не раз. Он всегда отшучивался. Наши дамы эти истории живо обсуждали. Как-то с утра заходит в свою приемную с фонарем под глазом, улыбается во весь рот и бросает нам через плечо: «Науке сегодня подсвечиваю...»

Уверена, что разбираться вам надо с его бывшими любовницами и с их мужчинами. Оттуда дует ветер. Больше он никому не мешал. Деньги здесь ни при чем. Игорь Николаевич всем займы давал. Записывал, а потом терял эти бумажки. Многие этим пользовались. И крупные суммы были. Не ругался никогда и ни с кем. Как там французы говорят? Правильно говорят – ищите бабу! А Валюша Тамм любила его, думаю, что взаимно. Вот за любовь и попала. С кем Игорь встречался, рассказывать не буду, сами узнаете, вам наболтают. А мужей своих любовниц он, так или иначе, знал, вот и открыл дверь ревнивцу. Алексей, это правда, что он сам дверь убийце открыл?

– Да. Видимо так и было. Версия у вас очень интересная. Я ее сообщу на первом же оперативном совещании у следо-

вателя. Письменные показания дадите?

– Нет, конечно. Мне ведь дальше работать. Да и мужу моему ни-ни. Разговор только между нами.

– Хорошо. Все понял. Спасибо за чай и изумительное варенье. Из чего оно?

– Японская айва, но для всех это секрет, а то хвалить перестанут.

– Уделите мне еще десять минут?

– Да сколько хотите, чайку подолью и продолжим нашу беседу.

– Вы Руслана Юнисова знаете? Он защищался у вас в аспирантуре года три назад.

– Конечно, знаю. За него Игорь Николаевич просил. Имиджная защита. Ни наука ему, ни он науке, конечно, не нужны. Статус, то-сё.

– А работу кто за него писал?

– Зачем вам? Защитился и баста. Друзья они были с Изотовым. Сейчас уже все неважно.

– А с докторской что вышло?

– А вот с докторской ничегошеньки и не вышло. Не хочу старое ворошить. Вас этот летчик интересует. Неужели подзреваете?

– Что скажете о Руслане?

– Да ничего не скажу. Видела раз пять у проходной. На территорию его не пускали, вот мы у турникета и встречались. Бумажки приносил, журналы со статьями...

– Говорят, и на полигон к Изотову приезжал?

– Видела и здесь. Я блатных соискателей не люблю. Посему разговоры с ним не разговаривала, и в дом мы с мужем его не звали. Они с Игорем у начальника полигона гостили.

– Лена, подскажите, с кем еще можно поговорить об Изотове? Мне нужно узнать о нем побольше.

– Да, да, все поняла. С генералом можно, начальником полигона. Он у нас талантище. Басни Крылова читает. У него завтра концерт на открытой сцене напротив дома офицеров. Приходите. Весь городок будет. Там и поговорите. В Москве можно встретиться с Илюшей Фукс-Рабиновичем. Он толковый дядька, доктор наук, профессор. Они с Игорем вместе начинали. Изотов вырвался вперед и ушел в отрыв. Илюшу карьера волновала мало – он из вундеркиндов. Но потом жена, дети. Игорь его к себе взял, дал должность хорошую. Так они вместе и работали. Поговорите с ним. Он мужик заумный, говорить с ним сложно, но Игоря знает как облупленного. Если он что-то скажет, то это будет толково. У него каждое слово много извилин проходит прежде чем выскочить.

* * *

В шестидесятые годы XX века Петра Боткина скручивает инсульт. Рука повисла, слова плохо давались. В больницу не пошел, девочки родные выхаживали. Кормили из ложечки и в скверике под ручку выгуливали. Через год Петр Дмитрие-

вич встал на ноги, но на работу в музей не вернулся. Речь стала не та, хромота появилась. Да и годы, куда от них уйдешь. Времени свободного стало много, и решил новоиспеченный пенсионер с внучкой в Москву съездить. Картины фамильные посмотреть, дома навестить, если не снесли.

Москву Боткин не узнал. Сорок лет прошло. Другое все. Метро, дома высотные, фонтаны кругом. Красиво, но не тот город, в котором он жил. Названия улиц поменялись, внучка смеется: «Ты, дедуля, все названия перепутал – таких нет».

От Большого театра пошли на Покровку к семейному гнезду. Долго шли, тяжело. Родные названия все же встречались: Кузнецкий мост, Рождественский бульвар, Трубная площадь, Сретенка, Неглинная, Чистые пруды, кинотеатр «Колизей». Улиц с названиями Покровка и Маросейка не оказалось. Но дома сохранились. И путешественники легко нашли дом 27 по улице Чернышевского. Зашли в арку. Парадный вход в дом был открыт. Мраморная лестница, изуродованная гадкими надписями и сомнительными рисунками, вела, как и прежде, на второй этаж. Четырехметровые резные дубовые двери сохранились. Сверху донизу они были утыканы кнопками звонков и надписями с фамилиями жильцов. Боткин постучал. Нажимать на кнопку звонка он не решился. Дверь заскрипела и на пороге появилась худенькая, очень опрятная старушка. Петр Дмитриевич объяснил, что когда-то жил здесь и хочет показать квартиру внучке. Старушка недоверчиво осмотрела гостей снизу доверху, но

в квартиру пустила.

– Зачем ходите? Вот с прошлого ремонта две картины с потолка стащили. Ходите, ходите....

Потолочных полотен с библейскими сюжетами действительно не хватало. Все картинные залы были перегорожены и разделены на комнаты. Боткин растерялся. Но камины! Каминны блистали в первозданном виде. По расположению каминов и дымоходов Боткин легко сориентировался и уверенно повел внучку по широкому коридору к зимнему саду. Центральный картинный зал, из которого был выход в сад, был переоборудован в коммунальную кухню: девять кухонных столов, огромная чугунная раковина с пятью кранами, две газовые плиты. Дверь в зимний сад открылась с трудом. Боткины оказались на черной лестнице, без освещения и с характерными запахами выставленных баков с отходами. Следов зимнего сада не было и в помине.

Дом Конона стоял на своем месте на Земляном Валу, рядом с Курским вокзалом. Петр Дмитриевич с гордостью сообщил внучке, что этот необыкновенной красоты особняк принадлежал ее прапрадеду. Семейная коллекция картин начала собираться именно здесь.

В Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Боткины поехали на такси.

Открытая сцена в виде ракушки стояла между памятником вождю пролетариата и домом офицеров с белыми колоннами, с яркими афишами кинофильмов. Многочисленные скамейки перед сценой заполнялись людьми. Радист считал до пяти и для верности стучал в микрофон пальцем. Все пребывали в предвкушении концерта.

Я обогнул ракушку и стал высматривать генерала. Но никакого генерала в пределах видимости не было. Полноватый мужик лет пятидесяти, высокий, красивый, с зачесанными назад русыми волосами копался в потертном коричневом портфеле. Одет он был в бежевый вельветовый сюртук, льняные штаны и модные замшевые ботинки. Мне он чем-то напомнил лектора из общества «Знание».

– Товарищ вы ко мне? – «лектор» смотрел на меня.

– Извините, я, наверное, вам помешал. Я ищу генерала Сбруйкина, начальника полигона.

– Вы не ошиблись. Это я. Будем знакомы, Иван Иванович. Генерал приветливо улыбнулся и протянул мне руку.

– Алексей Львович, адвокат. Работаю по делу... Изотова.

– Алексей Львович, голубчик. О вас теперь только и говорят. Вы у нас местная знаменитость. Скучно, а тут адвокат из Москвы. Повод, конечно, препоганый... Я весь внимание.

– Иван Иванович, вы на генерала-то совсем не похожи. На

артиста больше из «народных».

– Я сегодня и есть артист. Перед публикой выступаю. И вас приглашаю на басни. Это мое любимое дело. Хобби так сказать.

– Мне бы поговорить с вами, если можно.

– Сейчас и пообщаемся. До начала еще минут сорок. Присаживайтесь вот на эту артистическую лавочку.

– Мне рассказывали, что Изотов и Юнисов иногда оставались у вас. Какие у них отношения были? Что за человек Юнисов?

– Об Изотове ничего говорить не буду. Он большой начальник. Все было под ним. И наука, и полигон. Руководство, хоть и бывшее, обсуждать не хочу. А вот Руслан Сергеевич – парень с хитрецей. Не люблю я его. Ему всегда что-то от кого-то надо. Все время крутит, вертит... Уж вроде сам генерал летный, солидный мужик, а везде какую-то выгоду ищет. Тяжелые отношения у них с Игорем Николаевичем были. По-трезвому вроде ничего, друзья. А как выпьют, то все – туши свет. Шум, гам, разборки. Руслан требовал что-то от Изотова. Толком не знаю. С научными званиями связано. Руслан мечтал профессором в Академии гражданской авиации стать. Не получалось, видимо.

– А угроз никаких не было с обеих сторон?

– Да нет. Побузят по пьяному делу, утром все – друзья.

– Один вопрос, совсем не адвокатский. Как вы считаете, Руслан мог убить Изотова?

– Запросто. Злой он мужик и хитрый. Только так: и вопрос, и ответ пусть останутся между нами?

Сбруйкин ласково потрепал меня по плечу, поднялся по лесенке и вошел в кулису.

Я – любитель московских театров. С женой мы частенько ходим на любимых актеров. Московского зрителя удивить сложно. То, что я увидел на сцене гарнизонной ракушки, меня нокаутировало. Это было потрясающе! Классный театр одного актера. Каждому персонажу басни подбирались яркие и объемные краски. Мимика и жесты со вкусом вписывались в гениальный текст Крылова. Оторваться от этого действия было невозможно. Исполнитель был принят на ура!

* * *

Через год после путешествия Боткиных в Москву заболела внучка. Болезнь всегда некстати, а на выпускные экзамены в школе тем более. Экзамены пропустили. А девочка на медаль шла. Бронхит перешел в двухстороннюю пневмонию. Дежурили Боткины в больнице по очереди. Состояние не улучшалось. Заведующий отделением остановил деда в коридоре и громко произнес:

– У нас в отделении все есть. Больные медикаментами обеспечены полностью. Девочка молодая, сильная, поправится...

А сам Петру Дмитриевичу бумажку сунул с названием им-

портного антибиотика. И улыбнулся, виновато как-то улыбнулся. Мол, чем могу...

Лекарства в городских аптеках не было. Обегали весь город. Единственной надеждой был директор областного музея, с которым Боткин проработал долгие годы.

– Петр Дмитриевич, есть у меня соображение, но это сугубо между нами. Вот тебе телефон, телефон домашний. Летчика одного, Русланом зовут. Молодой парень, услужливый. Не за красивые глаза, конечно... Сочтетесь. Помогал он моей близкой знакомой. Я к нему в аэропорт ездил за лекарствами... За границу он летает. В Китай, вроде. Да это и не важно, в авиаотряде многие на внешних рейсах работают и помогают друг другу. На меня сошлись. Поможет он.

Через три дня Боткин получил заветные ампулы у высокого красавца в летной форме. Петр Дмитриевич подготовил для Руслана дар – золотой самородок, семейную реликвию. Так в старой тряпице и протянул его летчику.

– Дед, не торопись, пусть девочка поправится, тогда и сочтемся. А сейчас в больницу едем, я тебя подвезу. Дело сделаем. Что в тряпке то прячешь?

Через месяц внучка Петра Дмитриевича поправилась, а Руслан Юнисов любовался золотым сокровищем семьи Боткиных. Самородок обрел нового хозяина.

– Илья Борисович, здравствуйте. Я адвокат...

– Да, да, все знаю. И вас видел, слышал, отзывы нормальные. Говорят, стараетесь, но Игорька все равно не вернуть. Посему пустое все это и болтовня наша в том числе. Что говорить, нет человека. Звезда был. Все я знаю, и кто убил знаю, никого это не волнует...

Беседа началась в переходе на «Пушкинской». От более уютных мест мой собеседник категорически отказался. Мы быстрым шагом направились в «Макдональдс». Место совершенно не подходящее для служебных разговоров: музыка, много народу, шумно. Но выбора не было, лучше так, чем никак. Фукс беседу вел очень необычно. Фразы были отрывистые, резкие, похоже, задуманные слова и предложения опережали речь. Он захлебывался в своем изложении, а собеседника просто не слышал.

– Профессор, пожалуйста, расскажите мне о вашей дружбе с Изотовым, о его карьере, общих знакомых.

– Да, да, проходите, присаживайтесь вот здесь, у окошка, я сейчас поесть принесу. Кофе будете? Да это и неважно, посмотрите в окошко, красиво. Я подойду...

Илья вернулся за столик и стал уплетать огромный бутерброд, наверное Виг-Мак. Через минут десять безмолвного поедания пищи он аккуратно вытер салфеткой рот и обра-

тился ко мне:

– Господин адвокат, а зачем вам все это надо? Деньги, ну да деньги, конечно. Семья, дети, кормить надо, все понятно. Горе, горе у нас... Звезда упала. Завидовали ему все... Все, кроме меня. Любил я его, хотя Игорь не подарок был. Не видел никого. Вперед шел, не оглядываясь, да и по сторонам не смотрел. На трон сел, а кто отстал, тот его не волновал, по дороге переступил через многих. А начальники в министерстве и в академии его любили, умел он контакт находить. Да и талантище, не отнять. Выло, было... Он еще в институте диссертацию написал, да так написал, что материала и на кандидатскую, и на докторскую хватило. В двадцать шесть лет доктором стал. Я же к сорока защитился, а другие и вообще с дистанции сошли. Зависть, зависть – вот причина... Я уверен, завистник убил. И Валю из зависти. Любили его женщины, причем не за мозги и деньги, красивый Игорек был. Вот и выследили их вдвоем и убили. Зависть все, зависть...

– Профессор, какие версии...

– Какие версии, я вам что, Жорж Сименон? Все вторично. Ищите и арестуйте завистника. Хотя адвокаты никого не арестовывают. Вы-то что думаете? Или у адвокатов тоже есть тайны?

– Нет, Илья Борисович, никаких тайн. Основные версии: сведение счетов из-за невыполненных обязательств. Ревность. Банальный грабеж. Служебная деятельность. Но пока все трещит по швам. Свидетелей нет. Подозреваемого тоже

нет.

– У вас ничего нет, так я и думал. Не хотел идти с вами на встречу, и не надо было. Чем я могу помочь сыщикам, я физик... Может деньги надо собрать, так сказать, для ускорения процесса... Нет, это глупости, деньгами здесь не поможешь. Эх, Игорек, Игорек, слишком ярко светил... это и погубило. Завистники, завистники...

С этими словами Фукс-Рабинович встал и, не попрощавшись, быстрыми шагами пошел к выходу.

* * *

Петра Дмитриевича вызвали в Инюрколлегию⁶. Повестка пришла. Идти надо в другой конец города. Одному не дойти. С дочерью пошел. А вернее, на такси поехали. Какой-то подвох дед чувствовал. Не к добру все это. Внимание уделило государство. Не к добру. Думал, что от брата новости. Какие еще дела за границей? Только о брате и думал. Шестидесятые прошли, брат ведь старше был. Состарился Сережа. Но плохие мысли отгонял.

Сели на лавке в коридоре с коричневыми стенами и протертым полом. Скучная контора. Из кабинета напротив вышел подтянутый, крепкий мужик. Пригласил зайти. Карие глаза юриста оценивающе смотрели на старика с дочкой.

⁶ Юридическая контора, работавшая по зарубежным делам.

– Вы, москвичи, странный народ, – изрек кареглазый, – все акаете, да акаете, а всех, кто корова через о говорит, провинциалами считаете.

Петр Дмитриевич ощутил себя в чем-то виноватым и сжался на узкой, жесткой лавке.

– Я в Иркутске прожил пятьдесят девять лет... Потом пожалел, что стал оправдываться. Но поезд уже ушел. Юрист, взглянув на какую-то бумажку, без всяких эмоций произнес:

– Я должен сообщить вам, Петр Дмитриевич, что за рубежом, во Франции открылось наследство. Единственным наследником являетесь вы. Дед, сидевший как на горячих углях, встал, выпрямил спину и несвойственным ему громким голосом прокричал:

– Что с братом?

– Ваш брат, Сергей Дмитриевич, скончался в Париже 2 июня 1969 года.

Дочка взяла отца под руку и помогла присесть.

– Скажите, любезный, а жена, жена Сережи, Галя? Почему единственный, разве ее нет?

– Галина Ивановна умерла 2 года назад. Вы – единственный наследник. Вам завещана крупная сумма в валюте и бесценные картины. Их, правда, немного, но их значимость от этого не уменьшается. Вы, Петр Дмитриевич, как сознательный гражданин нашей Родины, нашей общей Родины – Советского Союза – должны принять правильное, единственно правильное решение по распоряжению наследством.

Дед посмотрел на дочь, пожал плечами и очень тихо обратился к хозяину кабинета.

– Если надо что-то подписать, я готов. Только вот к брату... Разрешите мне к брату и Гале на могилу съездить. Кто же похоронил Сережу? Где он похоронен? Я все отдам, это уже все в прошлом. Только разрешите проститься с братом, с могилой Сережи.

– Я всего лишь юрист и заграничных паспортов не выдаю. Но я могу ходатайствовать об этом, если мы полюбовно решим все формальности.

– Да, да, помогите нам! Я согласен подписать необходимые бумаги, но что от меня нужно, я не очень понимаю. Объясните, пожалуйста.

– Если вы, товарищ Боткин Петр Дмитриевич, согласны добровольно передать нашему государству все полученное от брата наследство, в том числе раритетные картины и вклады в валюте, я уполномочен заявить, что вашей семье будут предоставлены две двухкомнатные квартиры в Москве с пропиской для всех членов семьи. Ваша пенсия будет пересмотрена в большую сторону с учетом вашего ценного вклада в казну.

– Я на все согласен, даже и говорить нечего, – еле проговорил ошалевший дед. – У меня только одна, одна просьба. Разрешите мне с внучкой навестить могилу Сережи. Все остальное пусть будет, как вы сказали, я согласен.

Боткину хотелось поскорей уйти.

– Хорошо, Петр Дмитриевич. Оформление необходимых бумаг займет месяц, два. Когда все будет готово, я свяжусь с вами.

Юрист встал, прекращая разговор.

Квартиру деду выделили отменную, на троих, с дочерью и внучкой. Он был доволен. Один жить не хотел, да уже и не мог. Большой Кисельный переулочек, самый центр. Кисельные переулочки – название родное. Как специально подобрали в тех местах, которые он отлично знал, где прошли детство и юность. Рождественский монастырь рядом с домом, до Сретенки и Покровки рукой подать. Трамвай ходит до Чистых Прудов – «Аннушка», с огромной буквой А на крыше.

Дед каждый день прогуливался по монастырским дорожкам. Каждая тропинка и постройка навевали воспоминания. Дома обветшали, но, как ни странно, все находились на своих местах. В храме, расположенном в самом центре двора, поселилась мастерская графики архитектурного института. Студенты, колоритные личности, с явным удовольствием приходили в бывший храм и творили на холсте и бумаге. Они не выгоняли любопытного дедушку.

– Что за церемонии, проходите, пожалуйста, дедуля, присаживайтесь.

С улыбкой приветствовали они Петра Дмитриевича. Поили чаем, показывали свои работы, сплошные импровизации, и хвастались, хвастались... А потом в полной тишине, обняв мольберты и подрамники, внимательно слушали мудрого и

благодарного «критика». Особенно ребятам нравились рассказы о поездке в Париж на могилу брата и о музеях, приютивших семейную коллекцию картин.

В доме, где раньше располагались монашеские кельи, уютились обычные москвичи, в каждой комнате жила семья. Большая коммуналка с общей кухней на четыре плиты и туалетом на шесть кабинок.

На центральной аллее рядом с надвратной церковью расположилась средняя школа, поэтому детские крики и смех всегда сопровождали дедушку в неспешных прогулках по монастырю.

Умер Петр Дмитриевич тихо, во сне, не дожив месяц до своего восьмидесятипятилетия.

* * *

Валерий Тамм из Москвы съехал. Жил на даче в Красной Пахре, что по Калужскому шоссе. Я несколько раз связывался со сторожкой садового товарищества. За Таммом ходили, звали к телефону, но он так и не подошел. Охранник после каждого разговора со мной непонятно почему извинялся. Пришлось ехать в Красную Пахру без приглашения. Дачу Таммов нашел легко. Все соседи уже знали об убийстве Валюши. И пока я с ними дошел до искомой калитки, был уже переполнен всевозможной информацией о милейшем семействе Таммов. Старый желтый дом скрывался за дере-

вянным забором. Двор зарос травой. Валерий похоже пил и пил много.

– Адвокат, здравствуйте. Я вас видел... Не знаю, как тебе лучше это сказать...

Валерий обратился ко мне, не вставая со старого-престарого дивана с двумя огромными валиками по бокам и протертой обивкой.

– За мной приехали? Я готов. Думаю, мне пора. Давно я хотел убить Игоря, считайте, что убил. Мне так легче. Я и должен был убить. Отнял у меня он все, обокрал... Забирайте меня. Но Валюшу не я... Нет мне без нее жизни... Валюшу не я... Игорь ее убил, точно он... Надоела, вот и убил...

Валерий Тамм повернулся на другой бок. Аудиенция была закончена. Соседи толпились у калитки, понимающе кивали, но к нам не подходили и вели себя сверхделикатно.

* * *

Звонок в б утра всегда не к добру. Константин Артемьев был лаконичен.

– Леш, ты приехать в контору можешь?

– Костя, привет. Ты рано встал или с ночи задержался?

– Приезжай, все расскажу на месте. У нас тут «дурдом».

Я быстро собрался, завел машину и выехал в Ленинградское УВД.

Не успел я зайти в знакомый кабинет уголовного розыска,

как Константин вручил мне несколько бумажных листов.

– Почитай, Алексей Львович, полюбопытствуй. Это интересно. Потом все объясню.

Отпечатанный на машинке текст пестрил грозными глаголами: наказать, объявить неполное служебное соответствие, уволить из органов внутренних дел, понизить в звании...

Вчитавшись внимательнее, я понял, что опергруппа, работающая по раскрытию двойного убийства, допустила серьезный ляп. Вот и посыпались звезды с погон. Артемьев, наблюдая за моим раскрытым от удивления ртом, принялся пояснять:

– Подвели опера из транспортной милиции, они в нашу группу входили. Их задача была перевернуть все железнодорожные и авиакассы, архивы Аэрофлота и железной дороги. Проверить все билеты, в том числе служебные в Москву и близлежащие города в нужный период. Ты это слышал на первых совещаниях. Ну, в общем, ребята облажались. Юнисов был в Москве в вечер и ночь убийства. Оперативники не проверили бортовые журналы служебных рейсов, осуществлявших техническую посадку в Москве для дозаправки. Рейс, который сейчас обнаружили муровцы, был служебный из Хабаровска в Калининград с посадками в Иркутске и Москве. Руслан Сергеевич подсел в кабину экипажа в Иркутске. Через четыре часа вышел в Москве. Второй пилот сделал запись в бортовом журнале, больше ничего, никаких следов. Ни билетов, ни распоряжений, ни заявок, ни записей

в аэропортах, авиаотряде. Ни-че-го. Летчик летчика всегда выручит. Вот и посадили Юнисова в кабину. Свой, летный, да и высший комсостав к тому же. Он в Москву в семь вечера прилетел, а улетел в Иркутск этим же бортом в девять утра следующего дня. Это уже из допросов экипажа выяснили. Второй записи в бортовом журнале нет.

– А что это за рейс, какой-то левый?

– Нет, обычный служебный рейс. Хабаровск и Калининград – города побратимы, вот делегации обкомов партии и горисполкомов друг к другу в гости и летают. Хлеб-соль кушают, водку пьют и новостями обмениваются. Города-то в разных концах страны находятся, даже на карте смотришь, и то далеко.

– И что теперь?

– А теперь, Леш, полный разгром. Серегина от руководства отстранили, из Главка выгнали, в Обнинск направили начальником отделения. Он пока в отпуске. Не дело это, он самый опытный в МУРе был. Меня в звании понизили за плохо поставленные оперативные задачи. Я теперь капитан. Вот так. Из угрозыска транспортной милиции трех оперов уволили. Ребята, кстати, отличные были. Кучу выговоров дали, звезды у многих полетели с погон, как у меня. Я, честно говоря, и сам бы калининградский рейс не поймал. Что еще? Меня руководителем объединенной группы назначили. Теперь капитан полковниками и майорами командовать будет. Смех, да и только. Новых оперативников добавили с Петров-

ки. Генеральная прокуратура подключилась. Все зашевелились.

– А с Юнисовым что сейчас?

– Задержали его вчера вечером в Иркутске. Сейчас этапируют в Москву. Самолетом. Самым обычным рейсом. Представляешь, какая реакция у экипажа – летный генерал в наручниках в кресле самолета сидит.

– Как он на задержание отреагировал? Что говорит?

– Молчит. Ему еще карты не раскрыли. А члены экипажа калининградского рейса тоже сказать Юнисову ничего не могли, они на допросах в Иркутском УВД находятся.

– Костя, вы теперь, наверное, на обыски полетите в Иркутск и Омск? Возьмите меня с собой. Мешать не буду.

– К сожалению, не могу. Сейчас серьезно все стало. Обострено. Адвоката к делу не допустят. Ты и так в курсе. Сообщи пока общие сведения потерпевшим. Слово даю, всю информацию через две недели будешь иметь. Без обид. За мной билеты на командную встречу по боксу с кубинцами. В Лужниках.

– При чем здесь бокс? Раны зализываешь? А что с вещдоками? Плащ, нож, золотой самородок. Что-нибудь нашли?

– Пока нет. За этим и полетим в Сибирь. Самородок Руслан не выбросит, реликвия. Плащ и тесак он в обратный путь не брал. Надо в Москве искать. Где «Медвежья пасть», мы можем только догадываться.

– Плащ и нож? Это иголка в стоге сена.

– В Москве да. Но прилетел он из Сибири, скорей всего, с холодным оружием. По описаниям экспертов, нож нестандартный, возможно, изготовлен по заказу. В Сибири местные розыскники опрашивают всех кузнецов в городах и сельской местности. Работа только началась. Месяца на два, не меньше. Омскую и Новосибирскую школы милиции обещали подключить.

– А в Москве что планируете?

– В Москве и Подмосковье прочесываем все свалки. Ищем коричневые плащи и крупные ножи для опознания и экспертизы. Два курса Московской школы милиции работают с операми. Помоечную братию трясут. Работа на месяц-полтора. Времени много прошло. Шансов мало. Будем искать.

– Костя, откуда начнете?

– С адресов в Омске и Иркутске. Одновременно. Квартир, домов, гаражей много. Две семьи: бывшая и настоящая. Вывал и там, и там. Мне областные УВД выделили четыре опергруппы с автотранспортом и вертолетом. Связь ВЧ. Самородок будем искать и свидетелей по одежде. Может, кто-то и видел Юнисова в коричневом плаще.

– Константин Викторович, ты скоро не то что майора вернешь, а генерала получишь.

– Ты ошибаешься. В министерстве сказали, не раскроем – уволят в народное хозяйство. Пойду к тебе в помощники.

* * *

– Алексей Львович, это Валерия Владиславовна. Почему не звоните? Совсем пропали. У нас с вами договор. Я со своей стороны все условия соблюдаю. Что случилось? Мы с Ингой слышали, что убийцу поймали. А наш адвокат не в курсе.

– Здравствуйте, Валерия Владиславовна. Рад вас слышать. Не волнуйтесь, я в курсе хода расследования. Информации много, но она разношерстная. Обсуждать с вашей семьей ход следствия в настоящее время категорически нельзя. Все очень зыбко. Доказательств мало. Подозреваемый действительно появился. Но это только подозреваемый, обвинение не предъявлено. По поиску доказательств работает много людей. Профессионалы. Поверьте, работают нормально. Вы и Инга Донатовна постоянно общаетесь с корреспондентами, бывшими знакомыми и сослуживцами брата. Сейчас ни в коем случае не должно быть утечки информации. Потерпите немного, будут промежуточные результаты в расследовании, и я встречусь с вами, все доложу. Сейчас рано. До свидания. – Я положил трубку на рычаг телефона.

* * *

– Здравствуйте, мне нужен Алексей Львович.

– Слушаю вас.

– Беспокоит заместитель генерального директора Научно-производственного объединения «Теплофизика» Шелихов. Сегодня в пятнадцать часов на ВЧ предприятия был звонок из Омского областного комитета партии. Звонил руководитель оперативной группы милиции Артемьев. Ему необходимо связаться с вами по телефону ВЧ⁷. Вам предварительно назначено время разговора завтра в 10 утра. Вас устраивает время?

– Спасибо за информацию. Я утром буду у вас.

– Хорошо. Я могу вас встретить на проходной в 9:30 и провести в комнату спецсвязи.

– Отлично, еще раз большое спасибо.

– Я даю подтверждение в Омск на завтрашний разговор в 10:00. Ждем вас.

В девять утра я уже маячил в огромной проходной предприятия. Ровно в 9:30 ко мне подошел молодежавший мужчина лет пятидесяти с военной выправкой, высоко поднятым подбородком и заговорческим выражением лица. Он осмотрелся по сторонам и тихо произнес:

– Здравствуйте. Я – Шелихов. У вас паспорт с собой? Можете передать его мне. Я выпишу пропуск.

Я ощутил себя засекреченным агентом на ответственной встрече с могущественным резидентом. Кино, да и только.

Сопровождающий быстро провел меня на второй этаж

⁷ Высокочастотная правительственная связь.

здания и засунул в малюсенький кабинет. На единственном в комнате столе находился большой черный телефон с массивной трубкой и блестящим гербом СССР в середине.

– Леха, привет! Если стоишь, то сядь. Не мог удержаться. Хотелось сообщить тебе. Не телефонный разговор, поэтому по ВЧ. Короче, нашли золотой самородок, который похож на медвежью пасть. У сына Руслана Сергеевича на даче под Омском, в Павловском районе. На обыске стажер следователя настольную лампу с абажуром крутил, крутил... Тяжелая она ему показалась. А основание лампы из золотого слитка было сделано и краской покрыто. Краску ковырнули, а там... Вот такие дела. Опознавать везем в Москву. Дня через три, четыре буду.

Я положил трубку. Повернулся к окну, задумался. Представил себе этого летного генерала – серьезного мужика, привыкшего командовать людьми и принимать жесткие решения. Представил, как он сидит в следственном изоляторе «Матросская тишина», что в Сокольниках, и размышляет:

«Закрыли! Неожиданный поворот. Что у них есть? Собраться надо. Предъявили бортовой журнал, экипаж допросили. Сам виноват, не проследил. Муд... к этот мальчишка, второй пилот, запись в бортовой вклеил. Зачем, кто его просил? Все... что есть, то есть. С кем бы посоветоваться? Совет нужен. Эти четверо в камере – не то, уж больно в друзья лезут. Что еще менты нароют? Ничего не нароют... Тесака нет, самородок найдут...вряд ли. Может, найдут... теперь. Гэбэ

подключилось, теперь глубоко рыть будут. Все отрицаю, все. Нет, лучше молчу. Гниду убил. По-мужицки он, сученок, неправ. Докторскую обещал? Обещал. Обманул? Обманул! Золото взял? Взял. Зашакалил? Зашакалил! Я просил вернуть – не вернул. Мог отдать, и делу конец. Нет, уперся. Слово не сдержал. Вор и мразь, жалеть не о чем, свое и получил. Все за дело. Ничего не докажут. С адвокатом бы поговорить. Тоже, небось, куплен. Молчать, только молчать. Ну, найдут слиток и что? Рядом все, не в глаз... Валю жалко – сука я, зачем бабу? Дочурка у нее. А как? Под расстрел идти с живым свидетелем? Так доказывать замучаются. Черт ее принес туда. Перед ней виноват! Кто знал, что она там будет? К следаку вроде вызывают, опять давить будут, мурыжить... Все, молчу, пусть наскребают, одно нытье да угрозы. Терять мне нечего. Рот открывать нельзя – проколюсь. Молчу. Будут бить – не, не будут, бесполезно. Менты – тоже люди. Все понимают. Вить не будут. Все. Улыбка. Спина прямая. Руки назад. Держусь».

«Да... нарыли!.. Кто со следаком был? Наверное, опер из ГВ. Этого кузнеца деревенского нашли. Да, это конец. Самородок у сына, суки, нашли. Это мое, законное, а теперь все. Я его за дело получил. Золото это нах... р никому не нужно. Инга его в руки не возьмет. Значит, куда-нибудь в алмазный фонд сдадут. Там и сопрут. Название бы не меняли, «Медвежья пасть» хорошо звучит, да ладно, теперь это все фигня. Пустое. В сознанку не пойду. Суд-пересуд, адвокатиш-

ка грамотный, потянет время. Пару лет проживу, а там, глядишь, «вышку» отменят. Европа давно стонет. У нас теперь перестройка, точно отменят. А там будем живы – не помрем. Сейчас, главное, собраться. Колотит что-то. В камере двое новых. Нельзя. Ни слова. По фене болтают, а у самих рожи девять на двенадцать. В тюрьме такую ряху не наешь. И в зубах ковыряется один, что здесь ковырять? Свеклу? Все ясно, совет уже не нужен. Молчу и прошу встречи с адвокатом. Куда он пропал? Может его тоже менты прессуют? Свет вырубил. Все. Отбой. Утро вечера мудренее. Завтра с утра прошу адвоката...»

«Адвокатишка что-то носом водит. Ваза, говорит, у ментов сильная, доказательств много. Насрать мне на эту базу. Что ж мне теперь под вышак идти? Ваза... у него. Нечего было дорогого брать. Сильный адвокат, сильный адвокат... Ну и где его сила? Тактику, говорит, менять надо, со следствием общаться, резину тянуть. Ху...ня все это, все равно шлепнут. Хоть дружи со следаком, хоть нет. Конец один. Попа бы позвать или другого священника. Да, верить не научился, что сказать? В чем каяться? Правильно я шакала запарол, не жалею... Не веровал никогда, теперь уже поздно. Да и кровей во мне намешано. Не разберешь, в какой храм бежать. Может видеооператора со следаком вызвать? Покаяться перед Валиным мужем, родителями. Это дело. А то со следствием дружи! Чужие люди, на зарплате сидят, пофигу им все. Точно, видеокамеру, и все под запись скажу. Грех

сниму, может полегчает. Священника вызывать не буду... Не поймет. А прощения попрошу. Валерке Тамму покажут, может мне на небесах легче будет. Кто чего знает. Есть там что? Никто не возвращался... Решено. Адвоката побоку, заявление на камеру делаю, а там будь что будет...»

* * *

Доверительницы пришли ко мне в офис вместе. И Валерия, и Инга сверкали крупными бриллиантами и были одеты с продуманной роскошью. В моем скромном кабинете они смотрелись, как английская королева в городском такси.

– Мы пришли выразить вам признательность за помощь нашей семье в трудные дни. – Валерия Владиславовна встала и раскраснелась.

– Я рад вас обеих видеть. Чем мог, помог. А благодарить надо оперативников и следователей – они провернули огромную работу. Обвинение на сегодняшний день предъявлено Юнисову Руслану Сергеевичу. Но это еще не конец, виновным человека признает только суд.

– Мы это понимаем.

– Вот и хорошо. Уважаемые дамы, мои услуги, я думаю, вам более не нужны. Вы со мной полностью рассчитались, и условия нашего договора предлагаю считать выполненными.

В Москву приехала команда боксеров США. На днях должна была состояться матчевая встреча с нашими в «Крылышках». Билетов нигде не было ни за деньги, ни по знакомым. Хоть тресни. Попасть на матч хотелось. Директор Дворца спорта когда-то звонил мне с пустяковой консультацией. Человек оказался благодарный и вручил мне пропуск в служебные ряды у ринга. Я был счастлив.

Вся боксерская Москва в этот вечер собралась под куполом дома бокса. Лагутин, Агеев, Позняк, Рескиев, Степашкин, Киселев, Лемешев, Степанов, Высоцкий... Я стоял в фойе и, не моргая, любовался «великими». В этот исторический момент чья-то рука легла мне на плече.

– Костя! Костя Артемьев. Вот так встреча. Подполковник. Поздравляю. Сколько мы не виделись?

– Три года всего. Видишь, как на бокс полезно ходить, друзей старых встречаешь. Ты где билеты достал? Аншлаг.

– Нет у меня билета, пропуск выклянчил во дворце. Я же здешний, из «Крылышек».

– Да, да помню, ты рассказывал. А я с ребятами из местного отделения договорился. Обещали провести в зал, но только в форме. Пришлось одеть.

– Ты отлично смотришься. Из капитанов в подполковники за три года. Молодец. В розыске звезды тяжело даются. Ты

там же?

– Я теперь на Петровке отделом по борьбе с угонами автотранспорта команду. Интересный отдел, каждый день «кулибины» новые отмычки придумывают. Электроника, автоматика. Не заскучаешь. Ты-то как?

– Нормально. Чем-то убойное дело закончилось? Приговор какой?

– Леш, все знаю. Все расскажу, ничего не утаю. Только в перерыве. Идет? Хочу построение команд посмотреть, гимны послушать. Красиво. Я американцев на ринге никогда не видел.

Бои были уникальные. В легких весах наши проигрывали, но дрались «на смерть». Шли на звезднополосатых как в последний бой. Мы с Артемьевым в запале так орали, что оба охрипли и в перерыве общались шепотом.

– Алексей Львович, докладываю о всех фигурантах того дела по порядку: начальник полигона Сбруйкин уволился в запас и работает там же – директором дома офицеров. На его басни народ съезжается аж из соседних областей. Инга Изотова уехала с дочерью в Прибалтику. У нее там мать и отец живут. На работу устроилась. Квартиру в Москве продала. От злополучного золотого самородка отказалась категорически. Просила передать его в Гохран. Лена Богданова большой начальницей стала: заместителем генерального по науке. Докторскую пишет. Илья Фукс-Рабинович – профессор в Тель-Авивском университете, преподает. Валерия Изотова

живет в Москве. Брату памятник на Ваганьковском кладбище установила, за могилой ухаживает. В отношении первой жены и сына Юнисова в Омске возбуждали уголовное дело по факту дачи заведомо ложных показаний. Помнишь, наверно, они ему ложное алиби состряпали. Так вот, промурыжили их даже два месяца в следственном изоляторе подержали, а потом твои коллеги дело и развалили. Сам знаешь, нерабочая статья. Валерий Тамм постоянно на даче. Один. Не работает. Говорят, каминны научился класть, тем и живет. Дочку их с Валюшей бабушка воспитывает.

Орудия убийства мы не нашли, зато в Омской области, в совхозе «Победа» курсанты кузнеца разыскали. Опознал он Юнисова как покупателя ножа. А вообще кузнец эти «тесаки» для свинофермы делал.

– Ну а с Юнисовым-то как? Что тянешь резину? Суд был?

– Да не было никакого суда. Предъявили ему обвинение. Это ты знаешь. После этого он год отсидел. Со следствием не общался. Молчал. С материалами ознакомился – молчит. Дело в Генеральную прокуратуру передали. К суду уже все готовились. Тут Руслан Сергеевич потребовал срочную встречу со следователем. Передал заявление через контролеров. Это сродни грому было. Молчал больше года. Попросил видеокамеру включить и монолог минут на сорок выдал. Я запись смотрел, впечатляет. Если в двух словах, то на Изотова ушат грязи вылил. Сказал, что такие, как Игорь Изотов, жить не должны. И что суд он свершил праведный. В конце

видеозаписи, когда о Вале Тамм говорил, скис и заплакал! Перед семьей ее повинился. Невинную душу, говорит, погубил, за это и отвечу. На следующее утро он повесился в камере.

Боксерские поединки закончились. Наши победили со счетом 7:5. Матч спасли средние и тяжелые веса. Мы вышли на Ленинградский проспект. Из динамиков доносилась бодрая музыка, а в воздухе витал запах ванили от кондитерской фабрики «Большевик».

Домашняя симфония

Глава 1. Слава

Всю неделю лил дождь, а сегодня вдруг выглянуло долгожданное солнце и наступило бабье лето. Еще по-летнему тепло, лишь прохладный ветерок напоминает о приближении осени. Через две недели произойдет событие, сыгравшее трагическую роль в жизни Славы и его семьи. А пока он в прекрасном расположении духа гуляет по Тверскому бульвару. Только что он узнал, что наконец-то утвердили список тех, кто в феврале едет на конкурс в Японию, и среди прочих была и его фамилия. Почти 20 лет он работает скрипачом в Государственном симфоническом оркестре, и гастроли для него уже давно стали привычным делом. Примерно раз в два месяца он вместе с оркестром выезжал за границу: в Польшу, Чехословакию, Германию, Америку. Уникальность этой поездки заключается в том, что Слава впервые едет на гастроли в роли концертмейстера. Он так долго к этому шел, что сейчас испытывал невероятное облегчение и гордость за себя.

Ему вообще всю жизнь сопутствовала удача. Будто за неведомые заслуги с самого рождения ему помогли не один, а сразу два ангела-хранителя, оберегая от малейших неприятностей. Вероятно, благодаря их хлопотам судьба наделила

его еще и неиссякаемым оптимизмом, бешеным обаянием и прямо-таки маниакальной потребностью находиться в центре внимания.

Когда Слава родился, он долго не плакал. Дергался, краснел, морщился, но молчал. И только когда вокруг него собралась целая толпа – медсестры, санитарка, фельдшер, врач, ассистенты, – он закричал пронзительно и громко. С самого рождения он нуждался в зрителях, которые бы смотрели на него с восторгом и обожанием. Так было в яслях, где он быстрее всех выпивал яблочный компот, и в детском саду, где только он, не выходя из-за стола, мог попасть манной кашей в нос плюшевому бегемоту. Этого было достаточно, чтобы заслужить любовь девочек и молчаливое уважение всех мальчиков группы.

В школе Слава продолжал пользоваться любовью не только своих одноклассников, но и учителей. Он мог слово в слово повторить историю Ледового побоища, рассказанную историчкой на прошлом уроке, или воспроизвести решение задачи, которую (это физик сам видел) он не записывал в тетрадь.

Учеба давалась ему легко и просто, и он с радостью делился своими знаниями: решал за один урок три варианта контрольной, писал диктанты под копирку и читал стихи с таким выражением, что Маргарита Семеновна (подслеповатая учительница литературы) забывала опрашивать остальных. А взамен одноклассники дарили ему свою любовь и уваже-

ние – и это именно то, чего Слава всегда так страстно добивался. Окончив школу с золотой медалью, он без проблем поступил в консерваторию.

Родители, рано заметив, сколь щедро наделен их сын способностями, в том числе музыкальными, купили скрипку и наняли десятилетнему сыну учителя музыки. Слава был поражен красотой и элегантностью старинного инструмента. Ее изгибы, напоминающие очертания женского тела, тепло дерева, излучающего магическую энергию, струны, издающие неповторимые, каждый раз новые звуки, – все это будоражило фантазию мальчика. Он увидел и влюбился в нее навсегда.

Как-то перед Новым Годом, через полтора года после начала занятий, его учитель пришел к Славиным родителям и траурным голосом сказал, что вынужден прекратить занятия музыкой.

– Что случилось, Яков Михайлович, Слава вас чем-то обидел?

– Нет, ну что вы, он очень воспитанный мальчик.

– Может, мы мало платим за уроки?

– Нет, плата вполне достойная.

– Почему же вы отказываетесь от занятий?

– Увы, мне больше нечему его учить. Мальчику нужен более опытный преподаватель.

Родители так и сделали. Папа устроился на вторую работу, а мама пошла в консерваторию искать нового учителя для

сына. Им оказался Василий Петрович, уважаемый профессор, известный скрипач. Седовласый старик в толстых очках и с тощей бородкой, выслушав маму, пригласил Славу к себе домой и попросил его сыграть несколько этюдов. А потом долго ходил из угла в угол.

– Способности, конечно, присутствуют, но много манерности и позерства, – сказал профессор. Потом еще немного подумал и добавил:

– Хорошо, я буду с ним заниматься. Но учтите, молодой человек, вам придется нелегко. Вы готовы к серьезной работе?

– Готов, – весело ответил Слава, слабо представляя, что это такое.

Профессор не столько учил его музыке, сколько старался сделать из него серьезного музыканта, тонко чувствующего музыку. Мальчик усердно занимался, почтительно слушал профессора, но убрать индивидуальность, прослеживающую во всем, и инстинктивное желание нравиться было невозможно. Василий Петрович вскоре понял, что второго Паганини из него не получится. Он сможет стать хорошим музыкантом, сильным, умелым, но не гениальным.

Понял, но продолжал заниматься. Ему нравился пылкий ум подростка, умеющего не только шутить и балагурить, но и проникать в суть музыки и задавать глубокие вопросы. К тому же он полюбил этого жизнерадостного паренька с задатками ловеласа, да и все домашние к нему привыкли.

Жена пекла ему пирожки с капустой, хотя раньше к духовке вообще никогда не прикасалась, ну а дочка – застенчивая и нескладная Мариночка – вообще была от Славы без ума и придумывала любой предлог, чтобы посидеть на их уроках. Слава, с детства привыкший к всеобщей любви, долго не замечал ее чувств. Потом они вместе поступили в консерваторию, и Слава так привык к ее постоянному присутствию, что (как-то само собой получилось) на 4-м курсе они поженились. Причем Славе казалось, что это не он сделал предложение девушке, а она ему. Впрочем, на такие мелочи Слава никогда не обращал внимания. Главной заботой юного скрипача всегда было создание вокруг себя искрометной атмосферы непрекращающегося веселья.

Прирожденный массовик-затейник, он мог из банального Дня колхозника сотворить двухдневное гуляние с шарадами, пантомимой и музыкальным капустником. Временами Слава на полном серьезе размышлял, правильно ли он выбрал музыкальный инструмент. Ему больше подошел бы аккордеон или балалайка. Особых иллюзий по поводу своего музыкального дарования он никогда не имел и не считал себя особо талантливым музыкантом. Способным, но не более.

На зависть однокурсникам после окончания консерватории Слава устроился в симфонический оркестр, не приложив к этому никаких усилий, не имея ни блата, ни связей, ничего, кроме своего обаяния и амулета на шее в виде морского конька, когда-то подаренного бабушкой. И работа стала его

самой большой любовью в жизни. Он просыпался по утрам и бежал на работу, как влюбленный на первое свидание, репетировал, репетировал, репетировал, забывая обо всем, а вечером стоял на сцене вместе с остальными музыкантами и завидовал самому себе.

Коллеги быстро полюбили молодого скрипача, одним своим присутствием поднимавшего всем настроение. Высокое начальство ценило его способность улаживать любые конфликты в коллективе и умение красиво преподнести неприятное нововведение, не вызвав негативной ответной реакции. Его охотно отправляли в заграничные турне, давали путевки в лучшие санатории и хоть медленно, но верно продвигали по служебной лестнице. Так что, став концертмейстером, Слава воспринял это как долгожданное признание своих заслуг.

Хорошая работа, любящая жена, двое детей, машина, двухкомнатная квартира в хорошем районе – с какой стороны ни посмотри, он должен был провозглашать во всеуслышание: «Я – счастливый человек!». А он был несчастлив.

В последнее время Слава начал ощущать, что ему отчаянно не хватает любви и ласки. Жена Марина – прекрасный, добрый человек, но они женаты почти двадцать лет, и она давно перестала быть для него соблазнительной и желанной женщиной. Он и в молодости не испытывал к ней сильных чувств. Ему скорее нравилось ее любование им, готовность исполнить любое его желание, ничего не требуя взамен. Он

хотел в кого-нибудь влюбиться. Хотел, но не мог.

«Да и есть ли вообще на свете настоящая любовь? Или это все выдумки эксцентричных поэтов? – думал Слава, мучаясь по ночам от бессонницы и смутного беспокойства. – А, может, я старею, и впереди меня ждет только ревматизм, одышка и геморрой?»

И с каждым днем впадал во все большие уныние и печаль.

Как человек проницательный Слава замечал, что отношение жены к нему с годами тоже изменилось и, увы, не в лучшую сторону. Марина давно перестала смотреть на него влюбленными глазами, как раньше. Она, конечно, его любила, но как-то буднично, по привычке. На концерты давно уже не ходила, вполуха слушала его рассказы о заграничных выступлениях. Все так же гладила его рубашки и носила в химчистку костюмы, помогала завязывать галстук, но уже без прежнего энтузиазма. Она будто отнимала у него ощущение праздника, подрезала крылья, приковывая к земле железными кандалами. И вот чуть меньше года назад в жизни Славы появилась Она – женщина, подарившая ему вторую молодость.

Однажды в парке он увидел маленького лохматого шпица чуть больше игрушечного плюшевого медвежонка. Собачка весело семенила по дорожке, спотыкаясь об осенние листья и задорно гавкая на прохожих. А вот на него почему-то не залаяла. Просто подошла, понюхала его брюки и тут же написала на ботинок.

– Вот засранка! – услышал Слава за спиной сердитый женский голосок и обернулся. – Извините, пожалуйста. Фрося никогда раньше себе такого не позволяла!

– Видимо, я ей очень понравился и она не смогла сдержать своих эмоций.

Перед ним стояла очаровательная брюнетка в клетчатом пальто и серой шляпке. Когда она улыбалась, на щеке появлялась еле заметная ямочка, придававшая лицу невинно-детское выражение.

– Ну что, давайте знакомиться? Меня зовут Рита!

– А я Слава. Прогуляемся вместе?

И они пошли по аллее.

– Чем вы занимаетесь?

– Я – скрипач.

Девушка открыла рот от удивления, покраснела и немного отпрянула в сторону.

– И вы играете в настоящем оркестре?

– В самом что ни на есть настоящем симфоническом оркестре, – снисходительно улыбнулся Слава. – Хотите, я приглашу вас на концерт?

– Да, хочу, очень! – еле сдерживая восторг, проговорила девушка.

Слава сразу вырос в своих глазах, почувствовал собственную значимость и важность. Душа его оттаяла и расцвела. Он начал рассказывать о музыке, о Моцарте, о вдохновении и таланте. И, конечно же, о себе. А Рита слушала и удивля-

лась, как такой интересный человек может гулять в одиночестве. Постепенно в ее глазах появлялось то выражение восхищения и обожания, которое Слава уже давно не видел. Вот то, чего ему так не хватало в последнее время! И неожиданно для себя он почувствовал благодарность к этой скромной, милой девушке. Оказалось, что они еще и соседи по лестничной площадке.

Сначала они просто гуляли по выходным в парке, держась за руки, пили кофе в пластиковых стаканчиках и смеялись без всякого повода. Потом Слава стал приглашать ее на концерты и скоро уже не мог представить себе вечера без Риты. Ради ее восхищенных глаз он готов был носить ее на руках. Слава покупал ей красивые платья, дарил украшения, косметику. Ему это было совсем несложно, так как он несколько раз в год со своим оркестром ездил за границу. К тому же у Риты была фигура такая же, как и у его жены, и он, не мудрствуя лукаво, покупал им одинаковые юбки, блузки и пальто. Единственное, что он не покупал жене – это украшения, к ним она была абсолютно равнодушна, а вот Рита радовалась, как ребенок.

А как она отдавалась ему в постели!!! Он только дотрагивался языком до ее шеи, а она уже пылала от возбуждения. В ее глазах загорался манящий огонек, и Слава терял над собой контроль...

Ее скромная однокомнатная квартира стала для них своеобразной историей любви и страсти. Где они только не зани-

мались сексом: в прихожей, на кухне, в ванной, на стиральной машине, на кровати, на ковре возле кровати, на кресле и даже в шкафу. Как-то вечером Рита примеряла новую норковую шубку, только что привезенную Славой из Греции. Кроме шубы на ней были черные лаковые туфли на шпильке, черные ажурные чулки и ярко-красная шелковая комбинация. Как же она была сексуальна! И, закружившись в вихре желания, они не заметили, что дверца шкафа была открыта, и со смехом упали в шкаф, где среди подушек и одеял Слава целовал Риту так, что она теряла сознание от удовольствия.

Но чем бы они ни занимались, Славу всегда ждал роскошный ужин. Рита умудрялась из скудных продуктов создавать удивительные кулинарные шедевры. Слава всегда был большим любителем поесть. Как заядлый алкоголик ищет повод выпить, так и он искал повод вкусно покушать. К его большому сожалению, Марина не умела и не любила готовить. Даже когда она проводила полвечера у плиты с поваренной книгой в руках, пытаясь порадовать мужа чем-то экзотическим, у нее получалась безвкусная серая масса. Рита готовила легко, весело, непринужденно и каждый раз удачно. Так что Слава у любовницы ел за троих, что, впрочем, никак не отражалось на его фигуре.

А потом поздно вечером, после сытного ужина, изысканного массажа и бурных любовных утех, Слава потихоньку выходил из Ритиной квартиры, ключом открывал соседнюю дверь и будто бы попадал в другой мир, где в коридоре валя-

лись мокрые ботинки, а из кухни пахло пригорелыми котлетами. Марина не только не умела готовить, но и образцовой хозяйкой не была. Она никогда не могла уследить, когда в холодильнике заканчивались продукты, а в гардеробе чистое белье. Пыль давно получила в их квартире постоянную прописку, а Слава каждую неделю выбрасывал с подоконника очередной засохший цветок. Он не понимал, зачем вообще держать в доме цветы, если их никто не поливает. Общение супругов в последнее время вообще свелось к минимуму, и надо быть глупцом, чтобы не понимать, что его постоянное отсутствие дома ухудшало и без того хрупкие отношения с женой, не говоря уже о детях, которых он практически не видел. Он понимал, но ничего не мог с собой поделать. Ему не хотелось идти домой. Причем не хотелось уже давно, просто раньше он задерживался на репетициях или дружеских вечеринках. Сейчас же его отчаянно тянуло в соседнюю квартиру, где его ждала Рита с тарелкой ароматного супа и в идеально отглаженной блузке.

У Риты было уютно, красиво, а главное – чисто. Именно об этом он всегда и мечтал. Чтобы начищенная обувь в прихожей стояла, как на параде, раковина сверкала, а пол на кухне можно было протирать белоснежным платком, не запачкав его. И присутствовал этот запах – сладковатый аромат сирени с привкусом корицы и миндаля, – исходивший, казалось, отовсюду – от пушистых махровых полотенец, накрахмаленных наволочек и освежителя в туалете.

Чувствуя свои вину, Слава изредка заставлял себя проводить вечер-другой в кругу семьи. Он старался быть веселым, разговорчивым, непринужденным, но, не чувствуя поддержки домочадцев, быстро сдувался. Он не мог быть душой компании, которая его не замечала.

– Как дела в школе? – спрашивал Слава у дочери, всякий раз надеясь услышать пространный рассказ об учителях и одноклассниках, который заполнит неловкую тишину за столом.

– Да все нормально, пап. Двоек нет, троек вроде тоже.

– На прошлой неделе было родительское собрание, ее там очень хвалили. Ты в это время был на гастролях.

– Как у тебя дела на работе, Марина?

– Все в порядке, сегодня закончили озвучку фильма. По моему, получилось неплохо. Помнишь, я тебе рассказывала, что у нас никак не получался эпизод в самом конце, хотя, мне кажется, все это тебя давно не интересует. Передай соль, пожалуйста.

Она была абсолютно права, ему все это было не интересно. Слава, конечно, знал, что вот уже 15 лет его жена работает в оркестре Госкино. Когда они только поженились, Слава и все их соседи по коммунальной квартире ходили на закрытые просмотры, с интересом смотрели заграничные фильмы, озвученные Марининым оркестром. Потом поздравляли, дарили цветы, наперебой расхваливали ее игру, хотя сами даже не понимали, что именно она исполняла. С годами сосе-

ди разъехались, пыль маленьких зальчиков начала вызывать приступы аллергического насморка, да и притворяться надоело.

Разговор за столом быстро умолкал. Дети убежали в свою комнату, а Слава оставшуюся часть вечера сидел, уткнувшись в газету. Весельчак, любимец публики, душа любой компании, он не знал, о чем говорить с собственной женой.

«Как же это могло случиться?» – задавал Слава себе вопрос и не находил ответа. Мучался, искал и ненавидел. Себя, жену, свою жизнь, эту квартиру.

С каждым днем становилось все труднее вести такую жизнь. Слава понимал, что его связь с соседкой рано или поздно раскроется, ведь он никогда не был рациональным человеком и не умел просчитывать свои поступки на несколько шагов вперед. Так что объяснение было неизбежным.

По опыту Слава знал, что ничего хорошего от подобных разговоров не получается. Но ведь он просто хотел быть счастливым. Разве это не естественное желание любого нормального человека – любить и быть любимым?! Нельзя усилием воли заставить снова возжелать женщину. Он ведь в конце концов не робот.

Но и бросать жену ему не хотелось, по-своему он ее любил, они прожили вместе почти 20 лет. А с другой стороны, лучше они расстанутся сейчас, когда ей только сорок, а не через 10-15 лет, когда ей будет за пятьдесят. Она еще смо-

жет устроить свою личную жизнь, выйти замуж. Может быть, она не сможет еще родить, но это не самое важное в жизни; главное, что она еще сможет быть счастливой.

«Какой молодец, – вел Слава безмолвный разговор сам с собой, – оставить женщину с двумя детьми и при этом надеяться, что она найдет себе другого мужчину. И это притом, что выглядит Марина не очень: давно перестала за собой следить, одевается в какие-то непонятные балахоны отвратительного болотного цвета, и ее возраст хорошо читается на лице. Еще немного, и ей начнут набрасывать лишние два-три годочка.

А ведь сколько раз он ей намекал, что неплохо бы заняться физкультурой; сколько омолаживающих кремов он привозил ей из Франции, но все бесполезно. Кремы она, не распаковывая, передаривала подругам, а аэробика так до сих пор остается для нее непонятным иностранным словом.

Этот бесконечный мысленный спор сводил Славу с ума.

В какой-то книжке он прочитал: «Когда не знаешь, что делать – не делай ничего». Это выражение ему так понравилось, что он решил оставить все как есть. Оставил, но ненадолго. В какой-то момент его ангелы-хранители отвлеклись, и Слава совершил единственное неверное действие, роковым образом изменившее его жизнь и причинившее горе многим людям.

Глава 2. Марина

Марина всегда считала себя нормальной женщиной. Конечно, у нее были недостатки. Ну не умела она варить плов и жарить курицу, постоянно опаздывала на работу и забывала вовремя оплатить телефонные счета. Однако паранойи у нее никогда не было. Во всяком случае, раньше, а сейчас, по видимому, появилась. Ей стало казаться, что ее соседка по лестничной площадке Ритка ей подражает. Первый раз она это почувствовала, когда встретила соседку в магазине в точно такой же серой юбке, какую ее муж Слава пару дней назад привез из Англии. Он тогда с торжественным видом достал из чемодана фиолетовый пакет, медленно раскрыл его – он вообще умел придавать обыденным действиям торжественный вид – и сказал:

– Вот, Мариночка, за границей это – последний писк сезона, твид. В нем сейчас весь Лондон ходит. Твидовые костюмы одевают преуспевающие коммерсанты на важные переговоры, а дамы носят юбки из твида чуть ниже колен. Вот я увидел и купил тебе!

А на следующий день Марина увидела точно такой же «писк» на соседке. Правда Ритина юбка была гораздо выше колен и на ее длинные ноги пялились все мужики. А еще через неделю она столкнулась с Ритой у мусоропровода и обратила внимание на ее тапочки, точь-в-точь как у нее самой –

синие, с веселым меховым помпончиком. Их муж подарил на 8 марта. Тапочки замечательные – мягкие, пушистые, теплые. Еще она хорошо помнит, что они имели очень неприятный нафталиновый запах, от которого вся семья неделю чихала.

Откуда все это у Риты? И главное, как давно? Марина познакомилась с соседкой, как только они въехали в эту квартиру. Рита тогда пришла к ним в гости, принесла яблочный пирог и любезно предложила свою помощь. На ней был мешковатый байковый халат, старые тапки со стоптанными задниками, небрежно зачесанные назад волосы и, главное, что отметила про себя Марина, – обкусанные ногти. Когда-то она сама постоянно грызла ногти, пока муж не привез из Польши специальный лак, который нанесешь на ногти и забудешь.

Но есть маленький секрет: он нереально горький. Начнешь по привычке грызть ногти и будешь чувствовать во рту этот противный вкус дня два. Очень эффективное средство!

«Одинокая, несчастная девочка», – подумала тогда Марина и пожалела ее. А когда она узнала, что соседка живет одна и работает медсестрой в районной поликлинике, то сразу захотела сделать для нее что-нибудь хорошее. Но новая квартира поглощала все свободное время, и благородный порыв забылся.

А сейчас? Девочка прямо-таки расцвела: похудела, перекрасилась в блондинку, приделалась. Всегда накрашена, без-

упречно причесана, никаких заусенцев и обгрызенных ногтей. И главное, что бросалось в глаза, – ее горделивая походка и уверенность, чего раньше совсем не было. У нее явно кто-то появился, но вот кто – этого Марина не знала и спросить не могла. Они были соседками, но не подружками.

Так Марина потеряла сон, покой и аппетит. Всякий раз, когда она встречала соседку в лифте, ей казалось, что у той такие же сережки, а белье, сохнувшее на балконе, пахнет таким же ополаскивателем. Выходя из квартиры, она подозрительно всматривалась в соседскую дверь, прислушивалась к каждому шороху за стеной.

«Уж не мой ли муж все это привозит?» – Марине пришла эта мысль посреди ночи. Ей приснился сон, будто Слава подошел к квартире, потянулся к звонку, но потом вдруг передумал, достал ключ и открыл им соседскую дверь. «А может, это был не сон?!» – больше в ту ночь Марина так и не уснула.

Никогда раньше она не думала, что муж может ей изменить. Да, у них временами случались ссоры. А у кого их нет?! Марина никогда не относилась серьезно к обыденной жизни. Стирка, готовка казались ей скучным и неприятным занятием. Она старалась как можно быстрее от этого отделаться и вернуться к музыке – единственному занятию, приносящему ей удовлетворение и радость. Если она не прорепетировала хотя бы полчаса в день, то чувствовала себя разбитой и несчастной. Слава чувствовал себя несчастным, когда видел в раковине хотя бы одну грязную тарелку. Чистота – это его

пунктик и, возможно, единственный серьезный предмет, по которому супруги не могли найти взаимопонимания.

«Но разве это повод для измены? – недоумевала Марина, лежа в постели. – Разве может Слава ее бросить?»

Прожив бок с мужем о бок почти 20 лет, она уже давно воспринимала его как неотъемлемую часть своего бытия.

«Мы ведь так хорошо понимаем друг друга! Когда я играю Гайдна или Вивальди, Слава безошибочно понимает мое настроение, а когда он слушает 1-й концерт Чайковского, я четко знаю, чего ему хочется в этот момент. А может, мне это только кажется?!» Теперь Марина постоянно анализировала их совместную жизнь. А любил ли ее муж вообще когда-нибудь или воспринимал как приложение к своей персоне, необходимое для обеспечения комфортной жизнедеятельности?

Разве он когда-нибудь признавался ей в любви? Ухаживал? Писал любовные письма? Вопросов было много, а ответ один, да и тот отрицательный.

Он не раз дарил ей цветы, в основном на праздники или когда приходил на ее выступления, но это совсем другое дело. Он дарил их не жене, а музыканту как признание ее таланта или просто потому, что так принято.

Но надо отдать ему должное: каждый раз, приезжая из командировки, Слава привозил подарки, однако не столько ей, сколько для себя. Для удовлетворения своей потребности в красоте во всех ее проявлениях. Он хотел, чтобы его повсюду

ду окружали красивые люди, красивые вещи. Если он видел человека в грязном поношенном костюме, ему становилось физически плохо, он заболел и потом долго не мог прийти в себя.

С этим также были связаны их постоянные размолвки. Он ненавидел женские халаты и бигуди. Первое время Марина старалась соответствовать его требованиям: всегда была накрашена, причесана, красиво одета. Но когда родились близнецы – Ирочка и Боря, – для этого не стало ни времени, ни сил.

Отцовские чувства у Славы так и не проснулись. Возможно потому, что он вечно отсутствовал: был то на репетициях, то в командировках, а может, и наоборот. Его постоянно не было дома, потому что он не испытывал к детям никаких чувств.

Марина много раз хотела поговорить об этом с мужем, но всякий раз откладывала разговор. А что, если он действительно не любит ни жену, ни детей и живет с ними только из чувства долга или, что того хуже, по привычке.

Однако выяснить правду – полдела, главное – как ей потом распорядиться. А вот этого как раз Марина и не знала. Мужа она любила по-настоящему, всем сердцем, может не так, как раньше, а спокойней, рассудительней.

Раньше он казался ей каким-то божеством, человеком, сделанным из иной субстанции, нежели обычные люди, Звездой, озаряющей своим присутствием ее скромную жизнь.

Но невозможно сохранять подобное отношение к человеку, с которым живешь в одной квартире, каждый вечер подбирая грязные носки и отстирывая жирные пятна с лацканов пиджака. Это чувство возвращалось, когда муж брал в руки скрипку и начинал играть филигранно отрепетированное произведение не в концертном зале, а дома, по зову сердца, музыкой передавая свое настроение. Марина слушала, и слезы текли по щекам. Как она любила его в такие моменты!

С годами она перестала так тонко чувствовать мужа. Просто слушала музыку и отмечала, грустная она или веселая. И все, никакой ответной реакции в душе. Что-то разладилось внутри, порвалась связующая нить двух любящих сердец.

«Это временно, пройдет время и все наладится», – думала Марина и гнала печальные мысли прочь. Вздыхала и уходила в спальню, брала в руки книгу и уносилась в загадочный мир фэнтези. Как-то на даче от нечего делать она взяла у сына «Властелина колец» Толкиена и так увлеклась, что теперь не признавала никакой иной литературы.

К своему большому огорчению Марина стала замечать, что с каждым днем она меняется и, увы, не в лучшую сторону. Милая, добрая, немного медлительная и до смешного доверчивая, она постепенно превращалась в злобную и подозрительную неврастеничку. С самого утра начинала следить за каждым движением мужа, расспрашивала, как он провел день, где был, с кем встречался. И постоянно искала в его словах несовпадения и неточности. Слава ощущал себя как

подозреваемый на допросе, злился и замыкался в себе, а Марина бесилась от сводивших с ума подозрений и собственной глупости. Когда Слава уходил на работу, Марина шарила по карманам концертного фрака, принюхивалась к рубашкам, копалась в бумагах. Она ненавидела себя, но ничего не могла с собой поделать.

На днях она вышла на балкон, чтобы снять сухое белье и часа два простояла на балконе, прислушиваясь к тому, что происходит в Ритиной квартире. Очнулась, когда совсем окоченела. После этого случая как она не страшилась правды, решила, что откровенный разговор лучше бесконечной пытки неизвестностью, и теперь только ждала подходящего момента.

Глава 3. Рита

С самого утра Рита не могла найти себе места от волнения. Сегодня, в субботу, у них со Славой годовщина знакомства, и Рита решила в очередной раз удивить возлюбленного своими кулинарными способностями. Она приготовила баранину в кисло-сладком соусе с цветной капустой, обжаренной в кляре, и шоколадное печенье. Рита любила готовить, а Слава любил покушать. Поэтому она не жалела на это ни сил, ни времени.

Еще Рита знала, что Слава любит, чтобы все вокруг было красиво. Поэтому она расставила бокалы по всем правилам

этикета, начистила до блеска серебряные приборы и полтора часа промучилась с накрахмаленными салфетками, стараясь сделать из них лебедей, но получались в основном какие-то пингвины с растопыренными крыльями. Наконец квартира была готова к приходу дорого гостя.

Оставалось еще минут сорок, и Рита решила заняться своим макияжем. Слава не любил, когда она сильно красилась, утверждая, что косметика ее портит. Рите нравилось, как выглядят ее глаза, подведенные черным карандашом. От этого они становились больше и выразительнее. Но желание Славы для нее закон, и она нанесла лишь немного голубых теней пудры, капельку блеска на губы. И конечно, сережки: она решила, что к черному длинному платью лучше всего подойдут небольшие сережки в форме листика с пятью маленькими бриллиантиками, которые ей Слава недавно привез из Испании. Вот и все. Она выглядит безупречно, в квартире идеальная чистота, настроение – лучше не бывает.

«Какая же я все-таки счастливая», – подумала Рита и улыбнулась своему отражению в зеркале.

Она была благодарна судьбе за то, что ей посчастливилось встретить такого удивительного человека. В ее серой, безрадостной жизни до сих пор не происходило ничего интересного, поэтому роман со Славой – самое замечательное событие. Она очень гордилась собой. Будто не он, а она сама была скрипачкой, играла в известном во всем мире оркестре, и ее концерты собирали полные залы.

Рита никогда не была амбициозной. Мама всегда учила, что в постели все зависит от женщины, а в жизни – от мужчины.

– Мужчина всегда впереди, – залпом выпивая рюмку водки, рассуждала умудренная жизнью Елена Викторовна – специалист высшей категории по мужеведению. Она была замужем шестой раз и каждый раз удачно.

– Они – хозяйева в этом мире, а мы всего лишь вторая линия. Но только настоящая женщина знает, что вторая линия – самая важная. Без женщин, без их заботы и поддержки мужчины – всего лишь беспозвоночные простейшие.

– А женщина тогда кто?

– Женщина – это хребет, на который мужчины нанизывают свои победы. Все делают ради женщин и для женщин. А женщины должны быть красивыми и всячески это демонстрировать, умными и интеллигентными, но хорошо это скрывать, и тогда все будут жить долго и счастливо. Запомни это!

И послушная дочка раз и навсегда запомнила мамины слова. После школы Рита поступила в медицинское училище, закончила его с отличием и устроилась в обычную районную поликлинику. Спокойная работа в теплом кабинете. Ее не раз уговаривали поступить в мединститут, но она в ответ скромно улыбалась, сетуя на свои посредственные умственные способности. Завела собачку и тихо жила в ожидании своего принца.

Время от времени она встречалась с кем-нибудь, но как только убеждалась, что ее кавалер не представляет собой ничего выдающегося, быстренько расставалась с ним. Таких молодых людей было довольно много, и Рита научилась корректно завершать отношения, не ущемив мужского самолюбия. Когда она познакомилась со Славой в парке, то сразу поняла, что это и есть тот принц, которого она так долго ждала, – умный, красивый, галантный и, главное, величественный. Он вел себя как король, при этом был необычайно обаятелен и галантен. И Рита стала всячески поддерживать этот образ. Когда Слава приходил к ней, его в любое время ждал царский ужин, шелковый халат и свежий выпуск любимой газеты «Книжное обозрение».

Специально для него Рита освоила самые изысканные рецепты французской кухни. Позаимствовав книжку у подружки-стюардессы, целую неделю она по ночам переписывала рецепты в толстую тетрадку.

Для него она похудела на 10 кг, перекрасилась в блондинку и начала носить туфли на высоких каблуках. И ничего, что у нее по вечерам отекали лодыжки и ныла спина, это было неважно. Раз этого хотел Слава, она была готова терпеть любые муки.

Прошло три месяца после их знакомства, и Рита стала для него всем: поклонницей, массажисткой, поварихой, личным секретарем, музой. Она поняла: угождать мужчине – вот ее истинное призвание.

С самого начала Рита знала, что у Славы есть жена, и чувствовала, что он ее любит, хоть и не признается в этом. Жена – как ножка у стула: живешь и не обращаешь на нее внимания; но если с ней что-то случается, стул теряет устойчивость. В конечном итоге он ломается, и его выбрасывают на помойку как бесполезный хлам. Поэтому Рита не строила иллюзий насчет того, что Слава когда-нибудь разведется с Мариной и женится на ней. Зачем, если им хорошо сейчас?! А о том, что будет дальше, Рита не хотела думать.

Мама всегда учила не строить планы, которые все равно никогда не сбываются так, как мы этого хотим. Надо довериться своей удаче, жить и радоваться сегодняшнему дню. Ее мама жила именно так и никогда ни о чем не жалела.

Рита сидела в прекрасном настроении, в красивом платье и ждала своего Героя. Она почти не сомневалась, что Слава подарит ей букет белых роз. Она обожала белый цвет и уже приготовила для них свою любимую голубую вазу.

Конечно, он подарит ей именно белые розы, но после этого вечера белый цвет перестанет ей нравиться.

Глава 4. Слова

Почему-то именно сегодня Марина решила поговорить с мужем. Проснулась утром и ощутила в себе непонятно откуда взявшуюся решимость. Перемыла всю посуду, убралась в квартире, погладила накопившееся за неделю белье и еле

живая легла на диван. Читать не хотелось. Телевизор раздражал. Мыслей не было, только решимость и пустота. Даже дети, будто почувствовав серьезность момента, с самого утра разбежались из дома: Ирочка пошла на день рождения к однокласснице, Боря уехал на рыбалку с друзьями.

Как будет происходить разговор и чем он закончится, Марина не знала. Она не любила устраивать скандалы, была беспечной и несобранной, но когда наступал важный момент в жизни, умела сконцентрироваться, отбросить волнение и сосредоточиться на главном. Вот и сейчас. Собрав все силы, она вдруг почувствовала, что пора. Встала, застегнула халат, поправила волосы и вышла на лестничную площадку. По субботам Слава репетировал с самого утра и домой приходил не раньше восьми вечера, выжатый как лимон.

«Может, это вовсе не от репетиций», – промелькнула в голове предательская мыслишка, но, не найдя ответной реакции, растворилась. Сейчас было только пять часов, но Марина точно знала, что именно сейчас ее муж заходит в подъезд дома.

Внизу скрипнула дверь, и шахта лифта ожила и загудела. Лифт поднимался вверх, на несколько секунд замер, и дверцы со скрипом раскрылись. Из лифта показались нога в черном начищенном до блеска ботинке, пакет, из которого торчал роскошный букет белых роз, и только потом показался Слава. Его глаза блестели лихорадочным блеском, казалось, что в лифте он готовил торжественную речь, и слова уже бы-

ли готовы сорваться с губ. Увидев жену, он чуть не подавился, глаза расширились, как у человека, который наелся дрожжей и сел на батарею.

– Марина? А что ты здесь делаешь?

– Жду тебя.

– Меня??? Зачем?

– Хочу поговорить. Зайдем в квартиру?

– А, да, конечно.

Слава вошел в квартиру, закрыл дверь, небрежно бросил пакет на пол и стал суетливо раздеваться. Руки дрожали, и он никак не мог расстегнуть верхнюю пуговицу пальто.

Тогда он начал расстегивать нижнюю, нервно улыбаясь. Сняв пальто, попытался повесить его, не глядя, на вешалку, но промахнулся, и пальто медленно сползло на пол. Слава стал поднимать его, и тут же ударился головой об угол шкафа. Он нервничал, краснел и суетился.

Марина молча стояла и смотрела. Чем больше волновался муж, тем спокойнее и решительней становилась она.

Когда изрядно испачкавшееся пальто повисло на вешалке, Слава начал противоборство с ботинками, упорно не желавшими сниматься. И тут Марина заговорила:

– Слава, скажи мне, пожалуйста, ты ведь сейчас шел не домой?

– То есть?

– То и есть, ты не собирался сейчас идти домой, и эти цветы предназначались не мне. Так?

– Что это на тебя нашло? Может, ты устала? Кстати, а где дети – наши цветы жизни? – Слава пытался шутить, но это у него плохо получалось.

Больше всего ему хотелось закрыться в комнате и побыть одному. Но жена китайской стеной стояла у него на пути.

– Слава, давай поговорим начистоту. Я знаю, что ты встречаешься с другой женщиной. Это продолжается уже давно, и она живет в соседней квартире. Это правда?

Марина ничего не знала наверняка. Это были лишь предположения. Весьма очевидные, но все-же ничем не подтвержденные, и она очень хотела, чтобы они не оправдались. Хотела, чтобы Слава рассмеялся своим залиvistым смехом, положил руку ей на плечо и убедил, что все это она напридумывала, что никого у него нет, а в пакете книжки, купленные в его любимом «Букинисте». А цветы ему подарили поклонницы, коих у него всегда было в избытке.

И она бы поверила. Она так хотела верить своему мужу. Хотела, чтобы все превратилось в забавное недоразумение, о котором потом можно будет рассказать друзьям. Но Слава не доставил ей такого удовольствия. Он немного помолчал, потер глаза руками, почесал затылок и посмотрел ей в глаза.

– Да, ты права. У меня действительно роман с Ритой, нашей соседкой. Я ее люблю, мне с ней очень хорошо. Мы встречаемся уже год и... ну ты все уже поняла... – отвел он взгляд и медленно побрел на кухню, по-старчески переставляя ноги, словно в один момент постарел лет на двадцать.

Голова его свесилась на грудь, спина сгорбилась, будто на нее давил груз признаний. Он не понимал, зачем шел на кухню, не знал, что скажет Марине, когда повернется к ней лицом, не понимал, что ему теперь делать.

Он уже давно жил с чувством вины перед женой. Не за физическую измену – это еще полдела, – а за измену душевную. Слава действительно полюбил Риту, такую нежную, скромную, застенчивую девушку. Полюбил так, как никогда не любил свою жену.

На самом деле он уже давно мечтал во всем признаться, искренне надеясь, что как только это произойдет, все встанет на свои места. Чувство вины, получив законное жертвоприношение, утихнет, и ему больше не придется украдкой бегать от любовницы к жене и обратно.

Конечно, он предполагал, что возникнут трудности другого характера: разговор с детьми, объяснение с родственниками. И еще непонятно, с кем ему будет труднее разговаривать – с родителями жены или со своими собственными. Они так любят Марину, что наверняка замучают его упреками и нравоучениями. Но все это будет не напрасно. Рано или поздно тучи рассеются, и жизнь станет ясной и понятной.

Но ничего подобного не произошло. Чувство вины увеличивалось с каждой минутой. Ему было безумно жалко незаслуженно обиженного родного человека. Ведь Марина не сделала ему ничего плохого. Сколько сил она потратила на то, чтобы уговорить его сдать экзамены на должность кон-

цертмейстера? Он очень хотел, но боялся и робел, а она не сомневалась в нем ни на минуту. А что она сама? Как играла в оркестре «Госкино», так и играет там по сей день. Все свои силы и амбиции она вложила в мужа, потому что ему хотелось славы. Как смешно: Слава жаждет славы.

Мог бы он всего это достичь сам, без помощи своей благоверной. Конечно, ему хочется думать, что «да», но, увы, факты говорили об обратном. Лучше всего Слава умел хотеть. Лежать на диване и строить воздушные замки, в то время как жена вырабатывала план действий, продумывала запасные варианты и обходные маневры. И с ее помощью Слава получал все, что хотел.

«Ну все, хватит, так можно сойти с ума», – подумал Слава и посмотрел на жену.

– Марина, так что мне теперь делать?

– Уходи!

– Куда?

– Не знаю, но здесь ты оставаться не можешь. Бери, что тебе сейчас нужно, а за остальными вещами заедешь, когда меня не будет дома. Ире и Воре я скажу, что ты уехал в командировку. Ты так редко их видишь, что вряд ли они сильно расстроятся. А потом, если захочешь, придумай для них какое-то объяснение. Мне все равно.

– А может, не будем так резко все обрывать. Ведь можно все как-то уладить?

– Как?

– Ну, не знаю, надо подумать.

– Не о чем тут думать. Вся ясно и понятно. Уходи!

И Марина вышла из кухни. Поправила тапочки в коридоре, поплотней закрыла дверцу шкафа и ушла в детскую. Зажгла свет, потом, передумав, выключила, села в кресло и стала ждать, когда Слава уйдет. Через минуту дверь заскрипела, открылась и закрылась, но Марина не шелохнулась. Она чувствовала, что это еще не конец. Наверняка Слава пошел к Рите сообщить радостную весть.

«Как тяжело осознавать себя обузой для мужчины, с которым прожила столько лет», – думала Марина, и слезы текли по щекам.

А вокруг всегда было столько красивых мужчин! Они караулили ее на проходной, дарили цветы, писали стихи. Ей нравилось мужское внимание, но у нее даже мысли не было, чтобы закрутить роман на стороне. У нее ведь есть муж – самый красивый, умный и талантливый, разве может с ним кто-нибудь сравниться?!

Конечно, с годами муж перестал казаться таким безукоризненно идеальным. Но чтобы изменить – никогда!

Что с ней будет теперь? Как ей жить дальше и, главное, зачем? Для кого?

Дверь снова скрипнула, и раздались крадущиеся шаги. Это Слава вернулся и начал осторожно собирать вещи. Марина не видела, но по еле слышным колебаниям воздуха безошибочно угадывала каждое движение мужа. Вот он достал

из стенного шкафа свой гастрольный чемодан, привычным жестом уложил туда черный фрак, темно-синий костюм, галстуки, рубашки, носки. Затем достал из книжного шкафа ноты, несколько книг, семейную фотографию в рамке, закрыл чемодан, надел пальто и замер в нерешительности. Потом открыл дверь в детскую и шепотом проговорил:

– Ну все, я, наверное, пойду. Ты в порядке? Может, тебе принести что-нибудь, например успокоительного?

– Нет, я в порядке. Прощай.

– Нет, не так, до свидания?!

– Хорошо, до свидания, – даже не взглянув на него, ответила Марина.

Входная дверь захлопнулась. Теперь уже окончательно и бесповоротно. Что было потом, она помнила очень смутно. Помнила, что легла в постель. Потом пришел Боря, пропахший рыбой, озябший, но довольный. Чуть позже в спальню влетела Ирка и о чем-то долго щебетала.

Марина лежала в постели весь следующий день и еще целую неделю. Дети попеременно пытались ее накормить, но есть она не могла и только пила, пила и пила. Потом приходил врач, измерял давление, задавал вопросы, смысл которых от Марины ускользал. Помнила, что ей делала уколы хмурая медсестра в смешном белом чепчике. Она приходила несколько раз в день, и после уколов Марина погружалась в приятные воспоминания детства. Ей снились лошади, бегающие по полю, божественно пахнущая сирень, созвездие

Большой Медведицы и лягушачья какофония в болоте у дороги. Эти воспоминания давали отдых ее измученной душе и силы свыкнуться с мыслью о расставании. Через неделю она встала с постели и начала понемногу есть, еще через пару дней начала выходить в магазин и на рынок, а через месяц вышла на работу. Марина сильно похудела, осунулась, взгляд потух, все эмоции умерли. Она жила как во сне, все действия выполняла автоматически, по памяти, спать ложилась, будто умирала, а утром возрождалась вновь.

* * *

Через три месяца Слава позвонил домой:

– Привет. Это я. Как ты поживаешь?

– Хорошо, спасибо. Я в порядке. Как ты?

– Тоже ничего. Живу у Коли.

– А почему не у...

– Что ты говоришь? Я не расслышал?

– Нет, ничего.

– Ну ладно, до свиданья.

– Пока.

И Слава услышал в трубке короткие гудки. Разговор продолжался секунд 15, не более. Дурацкий, в сущности, разговор получился. Столько раз Слава представлял себе этот диалог. И так нелепо все получилось. По правде говоря, он сам не знал, зачем позвонил. Казалось, что ему ампутирова-

ли половину тела и оставили дома, а его самого выгнали на улицу. Вроде как живой – ходит, дышит, все понимает, – но как-то холодно и неуютно. А позвонил, и на душе стало легче: со второй половинкой все в порядке, а значит и с ним все будет хорошо.

Ему было плохо, он мечтал, чтобы все поскорее успокоилось и вернулось к привычному жизненному распорядку: репетиции, фрак, концерт, ужин, душ, пижама, теплая кровать, потом завтра чистая рубашка, репетиции, гастроли и так из года в год. А пока он мыкался по друзьям и вспоминал все детали того субботнего вечера.

После того как Марина ушла в детскую, он совсем растерялся. Взял пакет с подарком, цветы и пошел к Рите. Когда Рита открыла дверь, вся такая нарядная, в черном бархатном платье, Слава понял, что не сможет войти.

– Рита, это тебе, поздравляю.

– Спасибо, дорогой, бесподобные цветы. Заходи.

– Я не могу.

– Почему?

– Ты извини, тут такое дело...

– Что случилось? Ты заболел?

– Я рассказал Марине про нас, и теперь она просит меня собрать вещи и уйти. Так что думаю, у нас сегодня ничего не получится.

– Куда ты пойдешь?

– Не знаю, к приятелю, он тут неподалеку живет. Я тебе

позвоню. Ты не обижайся, ладно?

– Да, конечно, я все понимаю. Я буду ждать.

Слава пришел к Рите только через неделю. Он выглядел так, будто всю неделю спал под забором: волосы взъерошенные, в грязных ботинках, в водолажке. Она была растянута и на локтях отвисала пузырями размером с теннисный мяч. Ни слова не говоря, прошел в комнату, сел на диван и закрыл глаза. Он не слышал, о чем спрашивала Рита, не чувствовал вкуса еды, ни аромата цветов, которые он ей подарил в тот злополучный день. Понимал, что надо что-то говорить, но не находил в себе сил.

«Вот она – долгожданная свобода, – думал Слава. – Не надо прятаться, обманывать, озираться по сторонам. Живи и радуйся жизни. Ты получил именно то, о чем так долго мечтал. Но оказалось, что тебе этого не нужно. Точнее нужно, но не такой ценой. И теперь некого винить, кроме себя. Если бы любовница пришла к жене и все рассказала, можно было наорать на нее, устроить скандал, хлопнуть дверью, пару дней пожить в гостинице, а потом вернуться и продолжать жить в свое удовольствие».

Вдруг из глаз потекли слезы. Слава сидел и плакал. Что он наделал? Разрушил все, сделал несчастной свою жену и делает несчастной свою любовницу. Потому что он не мог находиться рядом с ней. Все, что раньше так радовало его, теперь раздражало, казалось мещанским и безвкусным. Эти занавесочки с вульгарными пионами, хрустальные вазы, ру-

мынская стенка с чайными сервизами за стеклом. И эта стерильная чистота, как в больнице, будто здесь не люди живут, а бестелесные создания.

«Да и сама Рита? Что я в ней нашел?» – терзался Слава. – И роста маленького, и волосы жесткие, и глаза какие-то странные – не то серые, не то желтые. И главное – дура. Только и знает, что охать и ахать».

Так, посидев минут сорок, молча встал и пошел к двери. Рита дернулась. Хотела остановить, но передумала и осталась сидеть на стуле. Она еще никогда не оказывалась в подобной ситуации. Ее прежние молодые люди не обладали столь тонкой душевной организацией и не страдали от расставания с подругами.

«Нет, так нет», – пожимали плечами и уходили. А потом, через пару недель, встречаясь на улице, здоровались и как ни в чем не бывало рассказывали о своих новых пассиях.

Со Славой все намного сложнее. Она понимала, что он мучается и страдает, но не знала, как ему помочь. Если мужчина был голоден, женщина готовила ему ужин, если уставал – наливала ванну и делала массаж, если хотел секса – она ложилась с ним в постель. А сейчас Рита понимала, что ни один из известных ей рецептов не подходит. Поэтому, не зная, что делать, Рита решила подождать, когда Слава сам разберется со своими проблемами.

«Он ведь мужчина, – рассуждала Рита. – А решать сложные проблемы – удел настоящих мужчин! Вот именно – на-

стоящих, а причём здесь Слава?» Так она подумала, а потом сама испугалась своих мыслей.

Она влюбилась в этого обаятельного человека, потому что он казался ей настоящим мужчиной, но сейчас впервые усомнилась в этом. Разве мужчина может так вести себя? Плакать на глазах у женщины, показывать свою слабость. В первый раз Рита засомневалась в своем Герое. Такой ли он на самом деле, каким она его себе представляла?

Длительная мыслительная деятельность утомляла Риту, и она решила не забивать столь печальными рассуждениями свою очаровательную головку. Вряд ли Слава объявится в ближайшем будущем, так что времени подумать у нее будет достаточно.

* * *

15-секундный разговор с мужем оказался для Марины роковым. Только положила трубку, как вдруг заболел живот, да так сильно, что потемнело в глазах. Она согнулась, обхватив живот руками, медленно сползла на пол и потеряла сознание. Очнулась уже в постели. Рядом стояла Ира и гладила мать по лбу, а Боря разговаривал о чем-то с женщиной в белом халате.

– Мамочка, ты меня слышишь? – спросила Ира, когда Марина открыла глаза. – Как ты себя чувствуешь?

– Ничего, только голова болит и спать очень хочется.

– Это потому что тебе только что сделали укол обезболивающего. Врач говорит, что тебе надо ехать в больницу. Я соберу вещи. Не волнуйся, все будет хорошо.

В больнице Марину целыми днями возили по разным кабинетам: осматривали, ощупывали, исследовали, делали рентген, гастроскопию, компьютерную томографию, брали всевозможные анализы и снова ощупывали. Потом лечащий врач вызвал Славу и детей в свой кабинет и сказал каким-то будничным, лишенным всяких эмоций голосом:

– Меня зовут Александр Петрович Семенюк, я – лечащий врач Марины Васильевны. У вашей мамы рак желудка.

– Как же так, мама никогда не ж-ж-жаловалась? – От неожиданности Ира начала заикаться. – Иногда у нее болела голова или покалывало в груди, но про желудок она никогда ничего не говорила.

– Может, это ошибка? – с надеждой в голосе спросил Боря.

– Нет, ошибки быть не может.

– И что теперь делать?

– Положение серьезное, область поражения очень велика. Честно говоря, я и сам несколько удивлен. На такой стадии болезни боли должны быть очень сильными. А ваша мама говорит, что желудок ее никогда не беспокоил. Я предполагаю, что не так давно произошло событие, вызвавшее сильнейший стресс, который, в свою очередь, спровоцировал быстрое развитие болезни. Выло что-то подобное?

– Да, было, – Боря на секунду замолчал, посмотрел на отца и, поджав губы, процедил, – отец ушел от нас к другой женщине.

– Понятно, – проговорил доктор, с интересом поглядывая на Славу.

– И что теперь делать? – Ира еле сдерживала слезы.

– На сегодняшний день единственно эффективный способ излечения рака желудка – это хирургическое вмешательство. Будем готовить ее к операции. Если состояние не ухудшится, операция состоится в следующую пятницу. Боюсь, что придется удалить больше половины желудка, а может быть, и весь. Сейчас точно сказать не могу.

– А как долго она проживет после операции? – с надеждой в голосе вдруг спросил Слава.

– Трудно сказать. Но на этот счет обольщаться не следует. Мы всего лишь врачи, – и доктор встал, давая понять, что разговор закончен.

Ира села в коридоре на кушетку и разрыдалась. Ей всего семнадцать, и она не готова жить без мамы. Она так нуждалась в ее советах, пусть не всегда уместных, но ведь это мама, она просто должна быть. Боря старался сохранять самообладание, гладил сестру по волосам. Слов не было. Так, просидев минут двадцать, они все вместе пошли в палату. Было решено ничего не говорить маме про рак, а рассказать только про операцию. Но Марина не проявляла никакого интереса к происходящему вокруг нее. Ей было все равно. Она

ничего не чувствовала.

Слава все время находился в больнице. Целыми днями сидел на стуле рядом с кроватью и ждал, когда жена что-нибудь скажет или попросит. Но она все время молчала. Это непроходимое, ни о чем не спрашивающее молчание, эта упрямо замкнувшаяся в себе боль без криков и слез внушали страх и отгораживали Марину от остального мира.

Только однажды она заговорила с мужем.

– Слава, – произнесла бесцветным голосом, – зачем ты так со мной?

– Что ты имеешь в виду, милая?

– Я умираю из-за тебя. Разве ты этого не понимаешь? А ведь мне только 42. Я еще могла бы жить и жить!

– Прости меня, Мариночка, я так виноват перед тобой! – и Слава расплакался навзрыд, как ребенок.

– Ты мог купить ей квартиру на другом конце Москвы и встречаться с ней там. Врать, что едешь в командировку, да что угодно, только не говорить правду. А ты покупал нам одинаковую одежду, все, все одинаковое и даже не понимал, как это ужасно. Глупый, глупый Слава, – сказала она почти ласково и замолчала.

Слава сидел и плакал, уткнувшись локтями в коленки, а Марина лежала и думала о прожитой жизни. Она чувствовала, что умирает, и смирилась с этим. Ей только хотелось на прощанье разобраться во всем и найти объяснения поступкам мужа, чтобы простить его. Она хотела умереть с чистой

душой.

Верила ли она в загробную жизнь? Может быть. Раньше она никогда не думала об этом. А сейчас уже поздно. У нее не было альтернативы, поэтому на всякий случай – вдруг загробная жизнь все-таки существует – Марина хотела освободиться от всего земного. И как не было ей тяжело и горько, но она простила мужа. Она знала, что Слава на самом деле добрый и мягкий человек. Может даже чересчур мягкий. И уж точно добрый. Он не умел врать, лукавить, интриговать. Просто он привык, что все в жизни происходит само собой, поэтому, не задумываясь ни о чем, жил легко, как бы играючи. И искренне думал, что остальные живут точно также. И естественно, что он даже не догадывался, сколько усилий прикладывала Марина для того, чтобы ему жилось легко. Может быть, не стоило так оберегать его от реальной жизни. Ведь теперь он останется один, и жизнь вряд ли будет с ним церемониться. Но думать об этом слишком поздно.

– Марина, Мариночка, – услышала она как будто издалека голос мужа, – как же я буду жить без тебя?

Она бы и рада сказать пару утешительных слов, но не могла. Силы покидали ее с каждой минутой, а боль возвращалась и с каждым днем становилась все сильнее. Мысль о смерти ее уже не пугала. Только жалко детей. Им кажется, что семнадцать лет – это много. На самом деле они еще дети. Неопытные, глупые, испуганные дети. Смотрят на нее и будто просят прощение за то, что были недостаточно внима-

тельно и заботливы, не уделяли ей времени и никогда не говорили, как сильно ее любят.

Больше Марина ни с кем не разговаривала и целыми днями лежала с закрытыми глазами. От еды отказывалась, на посторонние звуки не реагировала.

Слава не отходил от жены ни на минуту, ночевал в палате, на кушетке. Кушетка была узкой и жесткой, он не высыпался, у него постоянно болела голова и спина. Но он не уходил. Он хотел быть рядом с ней каждую минуту, ловить каждый вздох, будто его присутствие может уменьшить ее непрекращающиеся боли. А еще он боялся, что Марина умрет в одиночестве. Слава не очень-то верил в операцию, но все-таки надеялся на чудо, каждый день ходил к лечащему врачу и спрашивал, нельзя ли перенести операцию на более ранний срок.

– Нельзя. Ждите. В пятницу, в десять часов утра. – Каждый раз слышал он в ответ и возвращался в палату.

Марина умерла в пятницу, рано утром, не дожив трех часов до операции. В 7:30 пришла медсестра ставить градусник, а Марина была уже мертва. Пришли врачи, разбудили Славу. Он долго не мог сообразить, что происходит, зачем в палате столько людей в белых халатах и почему его не пускают к жене. А потом понял, у него началась истерика, и врачи испугались, что с горя он лишится рассудка.

Приехали Ира и Боря.

Все остальное Слава помнил очень смутно. Какие-то люди

вокруг, везли его куда-то, просили расписаться, опять везли, говорили, обнимали, хлопали по плечу. В голове то и дело вспыхивали разрозненные воспоминания: Марина в свадебном платье, раскрасневшаяся, счастливая. А вот она не справилась с тяжелой коляской на повороте, и малыши чуть не вывалились на дорогу. Слава пытался удержать коляску, а Марина смеялась и плакала одновременно. Еще он помнит, как дети первый раз пошли в школу, Боря подложил сестре в ранец трех жирных мух. Они жужжали всю дорогу, и никто не мог понять, откуда раздается этот звук. А потом еще и еще воспоминания, каждый раз разные. Но в конце неизменно всплывала их последняя ссора, когда Слава стоял посреди коридора и обо всем рассказывал Марине. И ее последние слова перед смертью: «Я УМИРАЮ ИЗ-ЗА ТЕБЯ».

Как же он был одинок! Между ним и окружающим миром выросла прозрачная, звуконепроницаемая стена. Тишина полностью завладела им и душила его в своих объятьях. Он ел, спал, курил, ходил на работу, но ничего не слышал и не чувствовал.

Отношения с Ритой долгое время тлели, не затухая, но и не разгораясь. И дело было не в том, что он разлюбил ее, просто он забыл, каково это – быть счастливым. Забыл окончательно и навсегда. А если не чувствуешь себя счастливым рядом с любимым человеком, тогда зачем все это нужно? Довольно странное состояние. Вроде бы знаешь, что когда-то любил эту женщину, и не помнишь, как это – любить.

Когда была жива Марина, существовала определенная система координат. Ты что-то делаешь и знаешь, хорошо это или плохо, знаешь, насколько хорошо. А сейчас он будто потерялся. Из него будто вынули стержень, он обмяк, потерял былую жизнерадостность, забросил музыку, перестал ездить на гастроли, подружился с водкой. По мнению Риты, он стал обыкновенным, ничем не примечательным интеллигентом, махнувшим рукой на свою жизнь. А такой человек ее уже не интересовал.

Первое время Рита его жалела, постепенно теряя к нему интерес, а потом окончательно охладела к нему и возненавидела. Палитра ее чувств была не слишком разнообразной. В ней присутствовали основные цвета, но практически не было оттенков, постепенных переходов от одного цвета к другому. Она могла или восхищаться и боготворить мужчину, быть ему всем, или ненавидеть, если он вдруг оказывался недостаточно мужественным и гениальным.

Через полтора года после смерти Марины отношения Риты и Славы окончательно сошли на нет. Иногда они встречались на лестничной площадке, здоровались и, опустив глаза, быстро разбегались по своим делам.

Боря уехал служить по контракту на Дальний Восток, Ира нечаянно забеременела от одноклассника, вышла за него замуж и переехала к мужу. Родился мальчик, и она настолько погрузилась в воспитательный процесс, что частенько забывала поздравить отца с днем рождения.

Даже друзья о нем почти не вспоминали. Оказалось, что все его друзья – это друзья жены или ее родственников. Умерла Марина, и друзья исчезли. Никто не говорил этого Славе в лицо, но все считали именно его виновником Мариной смерти. Он тоже так думал, и не было дня, когда он не корил себя за это, страшно страдая от невозможности что-либо изменить.

Когда-то Слава считал себя хорошим человеком, настоящим мужчиной, баловнем судьбы, но оказалось, что он был таковым только благодаря жене. Слава был сильным, только когда Марина стояла у него за спиной. А без нее он никто, пустое место. И своим признанием он собственноручно подписал смертный приговор. При этом наивно полагал, что поступает правильно. Он всегда считал себя честным и правдивым и только сейчас осознал, как заблуждался. Правда оказалась отнюдь не так хороша, мало того, выяснилось, что правда иногда убивает. К сожалению, понял это он слишком поздно.

С женщинами он больше не встречался. Иногда он думал: «Может, я давно уже импотент?» Хотел проверить это на практике, но как только позволял себе даже подумать о другой женщине, в памяти возникали одни и те же слова: «Я умираю из-за тебя!»

Смутное время

(историческая повесть)

Прекрасным солнечным январским утром 1914 года высокий, статный, мануфактур-советник Алексей Викулович Морозов, выглядевший словно персонаж с обложки модного французского журнала, подъехал в изысканной английской карете к детской городской больнице на Мытной. Волосы его были нафабрены, усы искусно закручены, руки ухожены, а на брюках не было ни единой морщинки.

Прекрасная соболиная шуба подчеркивала высокий статус прибывшего. У ворот его встречал главный врач и друг Тимофей Петрович Краснобаев в длинном белоснежном халате и пальто с горностаем, небрежно наброшенном на плечи. Товарищи обнялись. Дружба их зародилась десять лет назад, когда хозяин Орехово-Зуевской мануфактуры подыскивал опытного врача для организации детской больницы. Тимофей Петрович, прекрасный детский хирург, показался промышленнику человеком смышленным и расторопным. Краснобаев воспринял идею бесплатной детской больницы на ура и сразу включился в дело. Врачебных нюансов и медицинских потребностей строящейся больницы Морозов не знал, поэтому главным советником архитекторов и строителей с первого дня стал Тимофей Петрович. Деньги – огром-

ную сумму в 400 000 рублей на строительство клиники – завещал Алексею отец, Викула Саввович. Еще в 1904 году Алексей Викулович обратился к московскому городскому голове с просьбой о строительстве бесплатной больницы: «Имею честь просить Ваше Сиятельство довести до сведения городской думы, что из сумм, завещанных родителем моим, мануфактур-советником Викулой Саввовичем Морозовым на благотворительные дела, я имею пожертвовать капитал в размере 400 000 рублей серебром на устройство в г. Москве новой детской больницы на следующих главнейших основаниях: больница должна носить имя моего покойного родителя, половина жертвуемого капитала в 200 000 рублей предназначается для возведения зданий и оборудования больницы, другая половина капитала должна идти на содержание коек. Больница должна служить удовлетворению нужд бедных жителей города Москвы, и потому лечение в ней должно быть бесплатным. На должность главного врача детской больницы назначается старший врач больницы св. Владимира – Тимофей Петрович Краснобаев».

Поскольку начинание было хорошее, городская дума среагировала скоро, и пожертвование было принято. Архитектором назначили известного зодчего, Иллариона Шица, а Тимофея Петровича отправили в Европу изучать оснащение детских клиник. Посетил Краснобаев итальянских, швейцарских и немецких детских врачей, изучил их опыт. С самого начала строительных работ Краснобаев и Морозов много

дней проводили на стройке и сдружились. В Москве лютовали корь, коклюш и дифтерит. Детская смертность от инфекций была огромная. Рабочие трудились в три смены, и в 1908 году были открыты первые инфекционные корпуса. Вольных деток прямо от ворот дежурный фельдшер разводил по разным корпусам и изолировал в боксах. В 1910 году Алексей Викулович с помощью брата Сергея, который выделил десять карет с лошадьми, создал отделение детской неотложной помощи. Первую бесплатную скорую помощь в России. Их сестра Наденька организовала службу сестер милосердия, которые бесплатно дежурили по ночам с тяжело больными детьми.

* * *

Основатель династии Морозовых, крепостной крестьянин помещика Рюмина Савва Васильевич Морозов, накопив необходимую сумму, выкупил себя в начале XIX века. Став свободным человеком, дед Алексея Викуловича взял в аренду у своего бывшего помещика часть земли на правом берегу Клязьмы в местечке Никольское, где впоследствии обосновал знаменитую мануфактуру. Савва Васильевич задался целью освободить страну от господства иностранцев в производстве хлопчатобумажных тканей.

Англичане и немцы работали на своих ткацких машинах и из американского хлопка делали текстиль, завладев всем

рынком России. Савва Васильевич решил освободиться в первую очередь от монополии на сырье. Будучи мудрым и расторопным купцом, он посетил Хиву и Бухару. Теплый климат этих мест вполне подходил для разведения хлопка. Морозов раздобыл семена и уже вторично прибыл к ханам на поклон. Заранее выкупив весь урожай, Савва уговорил их сеять хлопок. Первые кипы с хлопком сырцом и коконами Савва Васильевич с сыновьями на собственных плечах таскали до караванных троп. Далее сопровождали арбы с лошадьми и верблюжьи караваны до железной дороги в Саратове или до порта Астрахани. Морозовы начали переработку хлопка на своей первой ручной ткацкой фабрике. Все договоры с англичанами и немцами были расторгнуты. Дело пошло.

* * *

Морозным октябрём 1917 года к ювелирному салону на Беднарской улице в центре Варшавы подъехал двухместный экипаж. Из экипажа вышел элегантный мужчина в черном, с объемным свертком в руках. Вслед за ним появилась изящная пани с черной вуалью на лице. Пара быстро поднялась по ступенькам и скрылась за дверьми ювелирного салона. Вечерними посетителями ювелирного салона были Лукаш Потоцкий с женой Ядвигой, прекрасной блондинкой лет тридцати, с задумчивыми голубыми глазами. Небольшой прямой

носик украшал улыбающееся милое лицо, которое источало только положительные эмоции. Черная бархатная приталенная шубка на кроличьем меху с песцовой накидкой подчеркивала стройную фигуру. Неповторимая женщина. Лукаш был сер и невзрачен, на его застывшем лице, имевшем плутоватое выражение, беспрестанно бегали живые маленькие глазки, а поднятые к вискам короткие брови словно предупреждали о властолюбии их владельца.

Потоцкий подошел к прилавку и, не спуская взгляд с Марка, ювелира, развернул свою поклажу. Под многочисленными веревками и лоскутами синего бархата оказались изящные каминные часы «Луи Бреге» из серого мрамора с голубыми прожилками. На вынесенном на циферблат анкере находились два каратных рубина. Переднюю стенку часов под циферблатом украшал четырехкаратный темно-вишневый рубин в золотой оправе. Лукаш приступил к длительному и нудному рассказу о судьбе старых часов и об уникальных рубинах из далекой Бирмы. Марк остановил красноречивого посетителя и предложил испить китайский чай со всевозможными заморскими сладостями. Пока помощники ювелира колдовали с заваркой чая, Ядвига повернулась лицом к старинному, много видевшему на своем веку трельяжу, достала из сумочки пудреницу и занялась своим макияжем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.